

ЮЛИЯ ВРУБЕЛЬ

*Волшебник
Летнего сада*

К

16+

Детектив старого Петербурга

Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»

Юлия Врубель

Волшебник Летнего сада

«Автор»

2020

Врубель Ю. Э.

Волшебник Летнего сада / Ю. Э. Врубель — «Автор»,
2020 — (Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»)

Санкт-Петербург, весна 1836 года. Жители столицы взбудоражены слухами о страшных и загадочных убийствах малолетних девочек, найденных за оградой Летнего сада. Следствие располагает вескими уликами, которые указывают на члена императорской семьи. Расследование приобретает характер особой секретности, к нему подключаются высшие полицейские чины – обер-полицмейстер Кокошкин и шеф жандармерии Бенкендорф. Вновь открывшиеся обстоятельства дела заводят следствие в тупик. И только маститому архитектору Иосифу Шарлеманю, брату создателя одной из оград Летнего сада, удаётся выйти на след преступника и раскрыть тайну опасного маньяка - безумца, возомнившего себя всемогущим волшебником.

© Врубель Ю. Э., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Великий князь	9
Глава 2. История чиновника	11
Глава 3. Волшебный сад	22
Глава 4. Следствие	25
Глава 5. Кровь в Варшаве	27
Глава 6. Повешенный	30
Глава 7. Встречи	35
Глава 8. Шарлемани	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юлия Врубель

Волшебник Летнего сада

Пролог

Санкт-Петербург, Университетская набережная, дом 17. Конец нулевых годов XXI века

Новый хранитель отдела скульптуры музея Академии художеств Кира Андреевна Петрова заступала в должность. Кира Андреевна, скромная, деликатная и исключительно интеллигентная дама средних лет, ожидала своего назначения терпеливо и слишком долго. За годы работы в музее в качестве научного сотрудника Петрова успела защитить диссертацию, опубликовала десятки статей и даже написала внушительную книгу, и, говоря объективно, давно заслужила право занять должность хранителя. Увы, для этого была одна досадная помеха. Прежний хранитель, Зинаида Семёновна, будучи уже в летах более чем преклонных, продолжала держаться за место из последних сил, которых ей едва хватало, чтобы добираться по утрам к месту работы. Но есть такое известное свойство музейных сотрудников – срастаться с музеем настолько, чтобы в итоге уподобиться его экспонатам. В последнее время Зинаида Семёновна, говоря по правде, мало чем отличалась от единиц хранения, ну разве только бесполезностью своего пребывания в музейных стенах. Документы скульптурного фонда, в большинстве своём обветшавшие, годами пылились на стеллажах в беспорядке, а экспонаты из запасников, теснившиеся друг на друга, темнели, покрываясь патиной и плесенью. И вот теперь, осознавая плачевное состояние своего отдела, Зинаида Семёновна, услышав о предстоящей инвентаризации фонда скульптуры, сочла меньшим из зол отправиться на пенсию.

Так что разгрести авгиевы конюшни в хранилище скульптуры предстояло Петровой. А работы ожидалось столько, что жутковато было даже думать об этом. Впрочем, особенно задумываться было некогда. Зато срочно требовалось составить план действий, а затем начинать с наиболее важного.

Прежде всего, Кира Андреевна взялась за приведение в порядок старых журналов поступлений, а после вплотную занялась состоянием запасников. Но уже первые дни работы в залах запасного фонда преподнесли хранителю своеобразный сюрприз. Петрова обнаружила в одном из них довольно странную находку. В тёмном углу, едва выглядывая из-за бурых терракотовых барельефов, стояли несколько, нагромождённых друг на друга, длинных и, судя по всему, старинных деревянных ящиков. Барельефы со всей осторожностью отодвинули в сторону и приступили к детальному осмотру найденного. Под слоем серой многолетней пыли на поверхности ящиков обнаружили сургучные печати со штампом девятнадцатого века и хорошо различимые номера инвентарного шифра. Шифр точно указывал и на время поступления находки в музейное хранилище. Прежде чем снимать печати, Кира Андреевна, как подбаивает хранителя, обратилась к книге поступлений. Там, в одном из томов, в хронологии, подтверждающей шифр, она нашла лаконичную запись, занесённую в книгу в 1836 году. Запись гласила следующее:

«Дар музею – коллекция г. Шарлеманя-Бодэ Иосифа Ивановича, станковая скульптура из дерева». И далее, в примечании, – количество единиц хранения в штуках. Описание экспонатов полностью отсутствовало.

Сургучные печати аккуратно сняли, а ящики, в присутствии самого хранителя и нескольких ответственных сотрудников, осторожно открыли. Ящики были заполнены небольшими деревянными фигурами, бережно обёрнутыми в мягкие суконные тряпицы. Несколько фигурок положили на пол и развернули.

– Что это? – произнесла в недоумении Кира Андреевна, разглядывая находки. – Наверное, совершена ошибка в учётных записях. Надо будет перепроверить все книги поступлений того времени. Я думаю, произошла какая-то путаница с инвентарными номерами...

– Да, – поддержал её один из коллег, – для первой половины девятнадцатого века как-то маловероятно...

– Тогда поступим следующим образом, – приняла решение Петрова. – Этот вопрос отложим на потом, а пока продолжим осмотр фондов. Возможно, что по ходу дела где-нибудь и выявится несоответствие.

Несоответствия в ходе проверки нашлись, да и нарушений выявилось достаточно – но мелких, досадных, легко поправимых. Но ничего, что бы хоть как-то указывало на происхождение загадочной «коллекции И. И. Шарлеманя», не было.

Кира Андреевна решила попросить совета у директора музея.

– Попробуйте заняться лично дарителя, – предложил тот. – Речь идёт, что очевидно, об архитекторе Иосифе Шарлемане, так называемом Шарлемане-первом или старшем. Поинтересуйтесь судьбой архитектора, поищите в архивах семейные документы. Будет полезно проконсультироваться с кем-нибудь из института на кафедре истории архитектуры.

– А кого бы вы порекомендовали из сотрудников кафедры?

– Трудно сказать... – задумался директор. – Теперь из «старой гвардии», из прежней профессуры уже никого и не осталось. Даже не знаю, кого вам посоветовать.

Он на секунду задумался, а затем просиял лицом и бодро щёлкнул пальцами.

– Да что далеко ходить? Обратитесь-ка к новому ректору, Семёну Никитичу. Он с давних времён на кафедре архитектуры, а в молодые годы работал ещё со знаменитым профессором Луниным. Тот в своё время издал несколько книг как раз об архитекторах николаевской эпохи. Обязательно поговорите с Семёном Никитичем.

Кира Андреевна поблагодарила за совет и вернулась обратно в хранилище, чтобы сфотографировать несколько странных изваяний на свой мобильный телефон. Затем, заперев двери фонда, женщина вышла из музейных помещений и спустилась вниз, в общий для музея и художественного института вестибюль. Здесь она повернула налево – туда, где находились комнаты администрации и приёмная ректора.

Семён Никитич Михалюк, недавно назначенный на должность ректора института, был обнаружен ею в своём кабинете, в новом кожаном кресле, вместе с чашечкой кофе и стопкой глянцевого англоязычных журналов и буклетов на столе. Нужно признать, что в ректорском кресле Михалюк выглядел весьма неплохо. Семён Никитич, круглолицый и румяный, по академическим меркам был ещё достаточно молод, внешне импозантен, в меру обаятелен и вёл себя в общении с коллегами без пафоса, непринуждённо, но с достоинством. Привстав, он поприветствовал Киру Андреевну и указал ей на сидение напротив себя.

– Вот, – пояснил Михалюк, кивая на глянцевую стопку, – просматриваю каталоги с последних художественных аукционов. Удивительно, насколько непредсказуемы пристрастия современных ценителей. Теперь вся эта публика помешана на экспрессионистах, да и постмодернисты в последнее время идут на «ура».

– И что же в этом удивительного? – вежливо поинтересовалась Петрова, чтобы поддержать разговор.

– Согласен с вами, удивляться больше нечему. Особенно после того, как в девяностые годы у аукционистов в Нью-Йорке закипели мозги от русских нуворишей, скупающих за миллионы долларов картины наших передвижников.

– Это было вполне объяснимо, – осторожно заметила Кира Андреевна.

– Да? И как же вы это объясните? – с нескрываемым интересом уставился на Петрову Семён Никитич, поправляя круглые очки.

– Очень просто, – ответила та, пожав плечами. – Большинство из тех, кто стал миллионером в «лихие девяностые», все свои познания в искусстве почерпнули из школьных учебников. Ну, я имею в виду стандартный набор репродукций, вклеенных в те старые советские учебники. А мы ведь с вами помним, что там было. Маковский, Поленов и, конечно, репинские «Бурлаки на Волге».

Лицо Семёна Никитича на секунду вытянулось, и в следующий миг ректор, не сдерживаясь, зашёлся весёлым хохотом. Затем, перегнувшись через стол, он взял руку Киры Андреевны и поцеловал её, демонстрируя восхищение.

– В догадливости и остроумии вам не откажешь, – сказал он, покачивая головой. – Американцы ведь этого так и не поняли.

– Беседовать с вами – одно удовольствие, – продолжил ректор. – Но ведь вы ко мне зашли по делу.

Лицо Михалюка приняло серьёзное и внимательное выражение.

– Пожалуйста. Если я чем-нибудь смогу помочь, буду рад.

Кира Андреевна вкратце объяснила суть проблемы.

– Вот, – сказала она, показывая фото на экране мобильного телефона, – хотелось бы выяснить, какое отношение всё это может иметь к Шарлеманю.

Семён Никитич мельком взглянул на фото.

– В области скульптуры я небольшой специалист, знаете ли. А что касается архитектора Шарлеманя... Или если точнее – Шарлеманей, Иосифа и Людвиг – они работали в одни и те же годы и были родными братьями. Оба принадлежали к так называемым классицистам второго круга. Сегодня ими мало кто интересуется. Иосиф Шарлемань?.. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь писал о нём серьёзную работу.

Михалюк запнулся, будто что-то вспомнив. А потом продолжил, с заметной неохотой в голосе.

– Всё, что могу припомнить по исследованиям о Шарлемане, так эта давнишняя, довольно заурядная дипломная работа. Автор – студентка, дипломница профессора Лунина. Я ещё был у неё рецензентом. Фамилию этой студентки точно не помню.

Он задумался, наморщив лоб.

– Но вроде бы как Еремеева. Диплом она защитила в самом конце девяностых, он должен сейчас храниться в архиве. Взгляните, если любопытно.

– Поражаюсь вашей памяти, Семён Никитич, – заметила, улыбнувшись Петрова. – Как можно было не забыть о работе студентки, да ещё через столько лет.

Михалюк только скромно пожал плечами и вздохнул, принимая комплимент. На самом деле дипломная работа студентки Еремеевой запомнилась Семёну Никитичу совсем не просто так. А дело в том, что когда-то, сразу после своего выступления на защите, он имел крайне неприятную беседу, а выражаясь точнее – получил нагоняй от профессора Лунина, причём вполне заслуженно. Сенечка Михалюк, в бытность свою простым преподавателем, не слишком утруждал себя чтением студенческих опусов, тем более если их тема никак не касалась его собственных научных интересов. Архитекторы «второго круга классицизма» интереса для Михалюка не представляли, поскольку, по сравнению с конструктивизмом и функционализмом, выглядели безнадежно скучно. А потому дипломную работу, написание которой студентка Еремеева потратила около года, он пролистал за вечерок, тогда же набросал и незамысловатую рецензию, которую прочёл на защите диплома со скучающим видом. При этом Михалюк не обратил внимания ни на выборку из документов, скрупулёзно собранных студенткой в архивах, ни на отзыв профессора Лунина, который порекомендовал работу Еремеевой для публикации в печати. На всё это ему с укоризной попенял сам Лунин, с мрачным видом отведя Сенечку в сторону. Но сказанного не воротишь, защиту не переиграешь, и рекомендация в печать, так ожидаемая студенткой, осталась не подтверждённой. Впрочем, Семён Ники-

тич был вовсе не плохим, а даже и совестливым человеком. Подойдя в кулуарах к побледневшей студентке, он попытался было извиниться. Но дело было сделано, и, по словам поэта, «инцидент исперчен»... А неприятный осадок так и остался.

Семён Никитич ещё раз бросил беглый взгляд на фото.

– Я что могу предположить... Шарлемань Иосиф некоторое время баловался «псевдоготикой». Тогда были в моде постройки в «готическом вкусе». Возможно, это что-нибудь вроде моделей скульптуры для подобных построек.

– Позволю себе не согласиться с вами, Семён Никитич. Пожалуй, для имитации средневековой скульптуры это было бы слишком...

– А стоит ли морочить себе голову? Оставьте пока всё как есть. Возможно, что потом, со временем, найдётся разъяснение и этим находкам.

– Наверное, вы правы, – ответила Кира Андреевна, поднимаясь со стула. – Но всё-таки я попытаюсь выяснить всё, что смогу, а дальше – уже как получится.

Она попрощалась с ректором и направилась к двери. А Семён Никитич тщательно протёр очки и придвинул к себе стопку каталогов...

Хранитель музейного фонда вернулась в служебное помещение и присела за рабочий стол. Однако в одиночестве ей пришлось провести не более пятнадцати минут. Потому, что спустя это время на пороге её кабинета возник Семён Никитич Михалюк – взбудораженный и с заметно увлажнившимся лбом. В руке он держал один из буклетов, который в раскрытом виде и положил на стол перед Петровой.

– Вот, посмотрите.

Кира Андреевна взглянула на цветные фотографии из каталога аукционного дома и поясняющие подписи под ними. Затем в изумлении подняла глаза.

– Невероятно, невероятно. Как это можно понимать, если такое просто невозможно!

Глава 1. Великий князь

*Кто в лесу поёт и увидит ворона – тому наткнуться на волка.
(Народная примета из собрания В. И. Даля)*

Эта история могла бы показаться вздором, если бы не поразительные совпадения. Итак...

23 марта 1836 года. Санкт-Петербург. Михайловский дворец

«Что толку от власти над другими людьми, ежели я не в состоянии командовать и управлять своей природой, когда собственная душа для меня – потёмки, а более всего я опасаясь своего нутра?»

И ещё:

«Не от того ли сходит с ума человек, что много раздумывает о себе? Тот же, кто и разговаривает сам с собой, возбуждает в глубине души своей спящего зверя».

Михаил Павлович, младший брат императора и хозяин Михайловского дворца, уже более часа пребывал в одиночестве, строжайше запретив допускать в свой кабинет любого, кто бы только ни пожелал его увидеть. Теперь великий князь перечитывал старые записи, которые взялся было вести несколько лет назад, по возвращении из памятного польского похода. Он постепенно забросил это занятие, когда почувствовал затруднение в изложении собственных мыслей. Мало того, мысли эти, перенесённые на бумагу, усиливали в нём тревогу и подозрения о состоянии своего душевного здоровья. Со временем, тревожность, мнительность, а также и нечто другое – то, что совсем не поддавалось объяснению, превратились в его в постоянных спутников. Причиной этому были события, которые бесповоротно изменили жизнь великокняжеской семьи.

Он обмакнул перо в чернильницу и добавил к старым дневниковым записям ещё несколько строк, совсем сумбурных:

«Как быть, ежели знаешь, будто ни в чём не виноват, а в то же время понимаешь – кругом виноват, виноват как есть во всём. Только со страху рассказать про это никому не можешь».

На письменном столе стоял прелестный акварельный портрет супруги, великой княгини Елены Павловны, в бытность её ещё невестой, вюртенбергской принцессой Шарлоттой Фредерикой, кисти художника Гау. Сегодня портрет был повернут к нему обратной стороной.

Чем больше дел, тем меньше времени для праздных мыслей. Следуя этому правилу, великий князь начал тот злополучный день с обыкновенных для себя занятий.

С раннего утра, как водится, Михаил Павлович приступил к делам военной службы: проинспектировал посты, наведалься в расположение расквартированных полков, которыми долгие годы командовал, а возвратившись в Михайловский, уединился в своём просторном, уютном кабинете для работы с бумагами.

Ближе к вечеру, дежурный адъютант впустил к нему семейного врача... Михаил Павлович выслушал доктора, подавленного, испуганного Ивана Францевича, который безвыездно жил во дворце последнюю неделю, и молча, кивком отпустил. Отдал первые распоряжения челяди и отправил посыльного с письмом для Николая Павловича. К супруге не пошёл.

Нельзя сказать, чтобы он был готовым к тому, что сегодня случилось. Да и как можно до последнего не утешать себя надеждами? И всё-таки произошедшее не стало неожиданным, но было, напротив, вполне предсказуемым, точнее, предсказанным, – для него одного. И в этом заключался самый ужас.

Не добавив более ни строчки в свои записи, Михаил Павлович закрыл тетрадь, убрал её в один из дальних ящиков стола, а ящик запер.

Теперь, побыв наедине с собой достаточно, чтобы привести в подобие порядка мысли, великий князь почувствовал желание выйти. Куда – не важно. Да попросту уйти подальше от дворца, воздух в котором стал тяжёлым и гнетущим.

Он вызвал к себе камердинера и распорядился готовить гражданское платье. Камердинер, из отставных служивых (как и весь остальной штат обслуги великого князя) поджал губы, но ничего не сказав, отправился исполнять приказание. Согласно давно заведённому правилу, Михаил Павлович изменял гвардейскому мундиру только во время путешествий по Европе, но пребывая на родине – никогда, кроме, разве что, исключительных случаев. Сегодня великий князь отказался и от собственного экипажа.

Одевшись, он вышел, прошел через сад и, отойдя подальше от Михайловского, нанял закрытую двуколку.

Заметно стемнело. Вечер становился стылым, влажным. Мутноватым бликом тлели масляные фонари, разбрасывая на мостовых бледные пятна света.

Мимо проезжали экипажи, развозившие почтенную публику к театрам и прочим местам приятного времяпровождения. Столичный вечер начинал свою привычную обыденную жизнь.

– Куда изволите, господин офицер?

Даже без генеральского мундира, в простом гражданском платье в великом князе безошибочно угадывался военный человек. Куда изволить? Да уж не на Большую Морскую и точно не к Дюссо и не к Кюба. Впрочем, и другие модные рестораны, где собирается публика из высшего света сегодня не для него.

Тогда куда?

Туда, куда не заходят особы его положения, а потому и шансов оказаться узнанным будет немного. Ну, в крайнем случае кто-нибудь примет за похожего. Да мало ли в столице отставных офицеров гренадёрского роста и с рыжими усами!..

– А посоветуй, любезный, приличный трактир.

Извозчик, спокойный, серьёзный мужик средних лет, обернулся и окинул пассажира быстрым взглядом. Затем вздохнувши и, коротко пожав плечами, тронул...

Подпрыгивая на булыжниках мощёной мостовой, коляска выехала на Владимирский проспект.

Глава 2. История чиновника

На углу Кузнечного переулкa извозчик уверенно остановил коляску. Седок выглянул, посмотрел и усмехнулся в рыжие усы.

– Ты что же, братец, не в Капернаум ли меня завёз?

Извозчик снова флегматично пожал плечами.

– Где какой Пренаум, мы про то не слышали. А это как есть – «Давыдка»-с. Пассажиры спрашивают-с.

– Да не сердись. Капернаум не так уж и плох. А мне, ежели подумать, как раз туда и надобно.

Михаил Павлович расплатился, отпустил немногословного возницу, сказав, что ждать его не стоит. Тот снова передернул плечи и, не оборачиваясь, тронулся. Великий князь, оставшись в одиночестве, вздохнул и, как-то тяжело, мешковато ссутулившись, зашёл в трактир Давыдова, известный среди определенной петербургской публики, как «Капернаум», т. е. место утешения порочных и заблудших душ...

Покуда он осматривался в достаточно просторном, но до дымовой завесы прокуренном, наполненном народом помещении – по большей части мелкими чиновниками и унтер-офицерами, к нему поспешил половой и, поклонившись, повёл через зал, на другую, чистую половину. Тут князю указали (опять-таки, с поклоном) на свободный стол, немедленно сменили вполне себе чистую скатерть на свежую, крахмальную, хрустящую. Мигом сервировали стол приличными приборами. А вскоре появился начищенный, серебряный пузатый самовар, большое блюдо с пирогами, копченая севрюга, разнообразные соленья и графин можжевелевой водки – Михаил Павлович, обыкновенно малопьющий, заказал себе цельный штоф.

Половой, с изяществом наполнив стопку, испарился. Осушив вторую залпом и закусив, великий князь не спеша осмотрелся по сторонам. Заприметил сидящего за столиком напротив него, также в одиночестве, господинчика средних лет, неброской наружности, одетого без щегольства, но дорого и не без элегантности. Господин, поймав его взгляд, быстро, но как-то жалостливо улыбнулся и, поднимая стопку, пробормотал: «Ваше здоровье...» Михаил Павлович кивнул и тоже пропустил ответную стопку.

Через некоторое время незнакомец неуверенно подошёл к его столу и, сильно смущаясь, попросил дозволения составить компанию.

– Так, знаете ли, тошно нынче одному, так и высказать невозможно. Да ведь и вы, как будто бы, не веселы. А так вдвоём и вечер поди скоротаем?..

Михаил Павлович не возражал, и господин, отрекомендовавшись Иваном Евграфовичем Картайкиным, надворным советником и «глубоко несчастным человеком», присоединился к нему. Михаил Павлович представился отставным полковником Романцевым и, отметив новое знакомство, оба начали неспешную беседу. Вернее, больше говорил Иван Евграфович, которому явно хотелось излить перед случайным собеседником большую душу.

– Нынче я человек потерянный. Совсем потерянный. Ничего у меня более не осталось, кругом себя пусто, и внутри себя темно. Беда, беда.

– Что же вы, Иван Евграфович, никак больших долгов наделали? Прескверное это дело – долги.

– Да что вы, любезный Михаил Павлович, какие за мной долги. Я с юности привыкши по средствам жить. Кутилой не был и не стану никогда. Ко всяческим азартным играм холоден. Деньги своим трудом приучен зарабатывать, так что живу с достоинством, но аккуратнo-с. Да ведь и деньги – что? «Не было ни гроша, да вдруг алтын», как говорится, знаете ли... Откуда-

нибудь, да прибудет, сколько-нибудь, да будет. Нет. Беда моя сильнее, больнее. И уж поди не поправить никак. Кабы я знал, кабы мог... – он помолчал, глядя рассеянным взглядом в окно.

– Началась эта история давно, лет с десяток назад, – тогда, когда обрушилось на меня невзначай неслыханное и незаслуженное счастье.

Он замолчал и поднял на «полковника» покрасневшие глаза. Тот предложил пропустить ещё по одной, Картайкин согласился, выпил. Всхлипнул... И приободрённый собеседником, продолжил.

– На тот момент я был на государственной службе не новичком, хотя в чинах особо не продвинулся, честно исполняя службу и не имея покровителей. Будучи холост, я проживал совместно с моей вдовой матушкой. Наследства нам отец как такового не оставил, и оттого жили мы на моё скромное жалованье, будучи стеснены в средствах. Матушка была уже сильно в годах, оттого хворала. В то лето я решил вывезти её на дачу, дабы немного поправить здоровье. С тем снял в окрестностях домик. Собственно, и домиком это назвать было совестно – так, убогая крестьянская избёнка на краю дачного поселка. Меня же такое жильё устроило из-за посильной оплаты. Неподалеку притом находился весьма красивый, ухоженный парк, принадлежащий купцу Иратову Никанору Матвеевичу. За парком, напротив озера, красовался его особняк. При своём богатстве господин Иратов был человеком добрым и незаносчивым, что для купеческой братии редкость. Оттого его парк был открыт для желающих, из чистой публики. И я часто гулял там об руку с моей старенькой матушкой. Здесь же, больше в одиночестве, часто прогуливался и Никанор Матвеевич. Мы сердечно раскланивались. Как-то раз он сам подошёл к нам с матушкой и заговорил с нами. Это был приятный, но, собственно, пустой и как будто бесцельный разговор... Но через несколько дней, ближе к вечеру, к нам заглянул посыльный от Иратова, с просьбой ко мне. Меня просили навестить его и оказать некоторую помощь. Я, конечно, живо собрался и пошел с посыльным. Хозяин богатого дома обрадовался моему приходу и всячески выказывал радушие, хотя просьбы его оказались совсем пустяковые – помочь составить пару деловых писем, да проверить грамотность составления купчей на заливные луга, которые он собирался приобрести у соседа-помещика. Расположившись в его просторном кабинете, я с удовольствием взялся за дело и быстро справился. Хозяин остался доволен, поблагодарил и попросил непременно остаться на ужин. Я вынужден был принять приглашение, надеясь, что матушка не станет ждать меня и отправится спать. Я остался, и хозяин сам проводил меня в нарядную столовую. И вот тогда я первый раз увидел Антонину.

Иван Евграфович умолк и ненадолго ушёл в себя, прикрыв глаза. Через мгновение очнувшись, он выдал из себя улыбку и продолжил.

– Она сидела за столом в прелестном летнем платье, накинув на плечи, ради вечерней прохлады, ажурную шаль. «Это моя дочь, – сказал Иратов, – моя любимая, единственная дочь. Антонина Никаноровна Иратова». А сказавши, так и вздохнул тяжело...

– Что же, – не без язвительности поинтересовался великий князь, – купеческая дочка была хороша?

– Прелестна! – не уловив сарказма, ответил Картайкин. – Дело, впрочем, не в этом. Да я и потом это понял. В ней была этакая, как вам сказать, не то, чтоб чертовщинка, а даже и чертовскость. Вот ведь иначе и не скажешь, поистине чертовскость. Она была такая, знаете ли, белокожая, с рыжеватыми кудрями, с небольшой, прелестной конопатинкой. И когда улыбалась – не поймёшь, улыбка то, или насмешка. А ежели смеялась – залиvisto, с samozабвением, так и опять же, не поймёшь, от весёлости характера смеётся или потешается над тобой.

Иван Евграфович вздохнул и, заручившись одобрительным кивком, наполнил стопки. Собеседники выпили. Отдали должное закуске. В глубине зала ненавязчиво звучал рояль, исполняя мелодии модных романсов. Публика в зале собралась солидная, не шумная. Господа неспешно кушали, изредка подзывая полового. Половые в белоснежных фартуках управлялись

ловко, скоро. В общем обстановка в Давыдовском трактире расслабляла, располагая к открытости... Картайкин пригладил светлые, негустые, аккуратно расчесанные на косо проборок волосы и грустно улыбнулся.

– Только тогда, в наш первый вечер, она нисколько надо мной не потешалась. Когда бы потешалась, так я бы от смущения тогда же и сбежал бы. Я, знаете ли, с барышнями был стеснителен. Я, впрочем, и сейчас в дамском обществе впадаю в сильную неловкость и всякую услышанную шутку принимаю на свой счет. Только она и не шутила. Сидела Антонина бледненькая и печальная. Батюшка велел ей поухаживать за мной, она ухаживала. Подливала чаю, подкладывала крендельки и опускала глаза. Но несколько раз, случайно поворотясь в её сторону, я столкнулся с ней взглядом. Она исподтишка рассматривала меня. А взгляд её был такой странный – она будто чего-то искала во мне, на что-то надеялась.

«Да ведь и моя супруга, тогда, ещё будучи юной принцессой, – надеялась. Очень надеялась, – подумал Михаил Павлович. – Так старалась понравиться мне. Поступалась привычками, сдерживала гордыню. Хотела окружить вниманием. Да только не стал я ей другом. И толики женского счастья не дал. А теперича и материнское счастье отнял...»

– Чего же она в вас искала? – спросил великий князь, дабы подбодрить рассказчика и поддержать беседу. Захмелевший Картайкин всхлипнул, сделал безнадежный жест рукой и продолжил свою печальную историю.

– Вечер закончился чудесно. После чая Антонина села к роялю и премило пела. Её батюшка участливо выспрашивал меня про мои обстоятельства. Я, не таясь, поведал ему про скромную мою службу, рассказал о нездоровье матушки. Он слушал внимательно, нисколько не выказывая ни превосходства, ни жалости. Под конец хозяин тепло попрощался со мной и послал крепкого мужика провожатым. Два дня спустя, когда я вечером, закончив службу, вернулся из города, матушка сказала, что снова приходили от Иратова, и подала записку. Следующим же вечером я отправился на виллу к Никанору Матвеевичу, где меня ждали «для важного делового разговора». Хозяин принял меня в кабинете, был серьёзен и, предложив по чуть-чуть коньяку, разлил по глотку, на доньшко. А после прямо спросил, понравилась ли мне его дочь.

– То есть, Иван Евграфович, – вступил великий князь, – насколько я смог догадаться, вас зазывали в зятя. Недурственно. Ну а подвох-то в чем?

– Да в том и подвох... – рассказчик опустил глаза. – Господин Иратов честно сообщил мне, что приданого за дочкой будет два. Одно вполне себе добротное, другое же прескверное. А именно – беременность бог знает от кого.

– Да уж, знатный подвох, – заметил его собеседник, сдержав усмешку. – И что же вы ответили?

– Видите ли, – Картайкин кротко посмотрел на князя, – вы ведь сейчас подумали, будто меня купить хотели. Да, да. Вот и Иратов сразу мне сказал: «Вы только не подумайте, что я вас покупаю. С этим у меня особых затруднений нет. Неужто бы я за хорошие деньги не подыскал для Антонины какого-нибудь хлыща-нищоброта. Да выдал бы за любого своего должника. Ведь так».

Михаил Павлович кивнул, согласившись. И полюбопытствовал:

– Но вас-то выбрали тоже не попросту. Видно, с каких-то особых резонансов?

– Да вот и я – да, да, я так же сразу и спросил – отчего вы меня – малознакомого вам человека, выбрали? И он со всею откровенностью мне ответил.

– Вот как? – собеседник, нанизывая на вилку маринованный огурчик, непритворно поднял бровь. – Занятно. И что же он ответил?

– «А я не хочу, – сказал, – чтобы единственная дочь моя всю жизнь жила в упреках и несчастьи. Чтобы родной внук, родившись, жил, как какой-нибудь пашенок». Меня же он в своём парке приметил, когда мы гуляли с матушкой. А потом и справки навёл. Так что он всё знал про нас. Вопросы задавал затем только, чтобы убедиться в моей честности. «Вы, –

сказал, – заботливый любящий сын. Это говорит о многом. Вы сможете стать Антонине добрым мужем. И, может быть, от доброты душевной и дитё примете. Дитё, оно ведь всяко невиноватое ни в чем. Разве же должно младенцу страдать за чужие грехи?»

– Да, – отозвался Михаил Павлович, – младенец за чужие грехи не должен страдать. Неправильно это. Никак этого быть не должно.

– Отчего же вы так это говорите? Обреченно как-то. Будто сами себя уговариваете.

«Отставной полковник» неопределенно махнул рукой и отвёл глаза. Картайкин не настаивал и продолжил.

– Я, знаете ли, согласился. Поверьте – не из-за денег токмо. Деньги – они, чего кривить душой, не лишние. И не из благородства одного, конечно же.

– Да я вам верю, – кивнул великий князь. – Причина вашего решения, мой друг, скрывалась в том, что девица сия вам понравилась.

Иван Евграфович с чувством ударил по столу.

– Да, да! Любезный Михаил Павлович, вы всё, решительно всё, что я сказал вам, поняли правильно. Лучшего собеседника, пожалуй, и пожелать нельзя. Понравилась. Ох, как понравилась!

Он едва не стонал:

– Так, что и высказать не можно... И оказалось, что ведь и я ей глянулся... Чистая правда!

Михаил Павлович с пониманием кивнул и молча слушал.

– Иратов тогда же послал за Антониной и благословил нас. В воскресенье на званом обеде в их доме, в присутствии матушки мы обручились. А неделю спустя и обвенчались. Антонине исполнилось семнадцать лет, мне было уже под тридцать. – Картайкин сделал небольшую паузу. – Вот так соединились её деньги и весёлый нрав, с моим добрым сердцем и наследным дворянством... И это оказалось крайне неудачным сочетанием.

Великий князь взглянул на собеседника с задумчивым вниманием.

– Вы знаете, чем более я слушаю вас, тем более мне хочется узнать, чем закончилась ваша история. У меня имеются свои соображения на этот счёт. Хотелось бы проверить, прав ли я. Так что рассказывайте, друг мой, рассказывайте.

– Что ж... Дальше было хорошо. Так хорошо, что о таком счастье мне и не мечталось. Мы с Тонюшкой со всею страстностью влюбились друг в друга. Я окружил её заботой и нежностью, на какую только был способен. Она ценила это. Она была со мною необычайно ласкова... Приданое за ней тесть дал немалое, на часть из этих денег мы сразу же приобрели скромный, но приличный дом – тут, рядом, на Кузнечном. На нижнем этаже мы вполне удобно разместились нашим небольшим семейством вместе с матушкой. Два других этажа с дворовым флигелем сдали внаём. Дохода от этого, вкуче с моим жалованием, на жизнь было достаточно, и остальную, денежную часть приданого, я отдал в полное распоряжение супруги. В том была первая моя ошибка... – он впал в задумчивость. – Я не должен был, никак не должен был доверять ей деньги.

Между тем Михаил Павлович, почувствовав, что спиртного выпито уже достаточно, налил себе чаю. Кипяток оказался остывшим и он, глотнув, недовольно поморщился. Тут же подскочил половой, поставил свежую чайную пару.

– А позвольте полюбопытствовать, – великий князь сделал пару глотков и отставил чашку. – Как отнеслась ваша уважаемая матушка к тому, что невестка была... с особенностью?

– Тут затруднений не случилось. Ко времени свадьбы срок беременности был небольшой – Никанор Матвеевич не зря торопился, и проявилось это со всей очевидностью не сразу. Так что от матушки мы эту особенность скрыли. Она, конечно, подивилась скороспешности моей женитьбы. Но я отговорился «внезапно вспыхнувшими чувствами» и особенным расположением ко мне господина Иратова. Моя добрейшая старушка даже не сомневалась в том, что сын

её способен расположить к себе любого человека. – Он грустно улыбнулся. – И, к сожалению, втроём мы прожили недолго, и осенью матушка тихо скончалась. Да. Ну а зимой благополучно появилась на свет наша доченька. Я вижу вашу улыбку... Однако поверьте, я к тому времени и думать не мог иначе. Самая мысль, что этот ребёнок чужой мне, казалось нелепой. Наблюдая за тем, как постепенно округляется фигурка Тонюшки, я исполнялся ожиданием нашего и только нашего любимого ребенка. Да так и было. Малышка Оленька сделала меня вдвойне счастливым. Тогда, торопясь после службы домой, я спрашивал себя, чем заслужил такое счастье...

– Ваш тесть действительно в вас не ошибся.

– Как сказать, Михаил Павлович, как сказать. Сколь бы ни оправдывал я ожиданий господина Иратова, а только должно ему было искать для дочери другого человека.

Слушая несчастного чиновника, великий князь ловил себя на мысли, что излагаемая тем история некоторым образом перекликается с его собственной. Но так, ежели поменять в ней местами знаки – плюсы и минусы, безвинных и виноватых. Как если бы в театральной пьесе персонажи поменялись амплуа...

– Скажите, любезный Иван Евграфович, неужто вы никогда не спрашивали вашу супругу о её прошлом?

Тот с готовностью кивнул.

– Я, безусловно, не святой. Конечно, я задумывался, и не раз, над тем, кто мог быть настоящим отцом Оленьки. Но, думая об этом, вопросы я задавал себе.

Он вздохнул, немного помолчал, затем произнёс печально:

– И мне представлялся этакий заезжий хлыщ-студент, соблазнивший неопытную девушку. Ну, знаете, стихи, луна, клятвы и прочее – как обычно это и бывает. И такая вот вполне безобидная версия меня успокаивала. Саму Антонину я об этом не спрашивал. «Почему?» – спросите вы. Да попросту я боялся. И правды боялся и лжи.

– Так что изменило вашу благополучную жизнь?

Картайкин закрыл глаза, уйдя в воспоминания...

– Мы долго жили сравнительно уединённо, наслаждаясь обществом друг друга. Антонина, для своего юного возраста, казалась на удивление, хорошей и любящей матерью. Да. Именно. – Он помолчал немного. – Вот именно – казалась хорошей матерью. Ведь она проводила почти всё своё время с малышкой. Она настолько занимала себя Оленькой, что взятой нами няне почти что и не оставалось дела. Она будто вцепилась в это своё новое занятие. Я полагал, что так, наверное, и должно было быть. А между тем теперь мне представляется, что в этом было нечто нездоровое. – Он покачал головой. – Совсем затворниками мы не жили, нет. Время от времени мы делали визиты моим пожилым родственникам. Изредка к нам приходили на чай мои сослуживцы с супругами. Жена вела себя со всеми ровно, однако ни с кем не сходилась ближе. Иногда я даже вывозил супругу в театр. Но светскими людьми мы, конечно же, не были. Так прошло несколько лет. Счастье наше казалось почти безоблачным.

Он поднял голову и посмотрел не в лицо собеседника, но будто бы сквозь него...

– Знаете, я вот беседую сейчас с вами, а будто в первый раз за последние годы с откровенностью и без страха разговариваю сам с собой. Сказал «казалось» да тут и очнулся. Но я и ранее чувствовал, конечно, чувствовал, что есть в этом нашем благополучии что-то неладное. Вот как есть не настоящее что-то.

«Спектакль, – подумал Михаил Павлович. – Во дворце, задуманном не мною и безо всякого моего участия, но подаренном, вручённом вместе со всей обстановкою вплоть до белья и посуды, где в одном только рабочем кабинете я и чувствую себя собой, разыгрывался скучный утомительный спектакль. Бесправные актеры изображали всемогущих принцев, несчастные изображали счастливых, а трусы – храбрецов, да так скверно, что сами себя же и освистывали...»

– Первых признаков перемены в жене я не то чтобы не заметил, но старался не замечать. Я всячески подавлял в себе тревогу. Оправдывал хандрой, временным нездоровьем. Но позже стало слишком очевидным, что супруга моя крепко заскучала. Она не жаловалась, однако я видел, что присущая ей живость будто покидает Антонину. Она реже смеялась, с меньшим удовольствием играла с дочкой, чаще доверяя её опеке няни. Со мною она стала не то чтобы холодна, однако принимала меня всё безразличнее. Она уходила в себя, и нам зачастую было не о чем поговорить за ужином. А несколько раз среди ночи я заставал её в слезах. На мои вопросы не было ответов, и подарки мои Антонину не радовали...

– И что же вы?

– Я? Я, глупец, решил её развлечь. Я, видите ли, намеревался устроить моей Тонюшке праздник. Ведь я за эти годы так толком и не узнал её...

Он промокнул салфеткой влажные покрасневшие глаза.

– Но я ведь... Я никогда не лез к ней в душу. Мне думалось, что тем я проявляю деликатность, что я щажу её. На самом деле я щадил себя. И где-то затаённым краешком моего существа я чувствовал, угадывал Нечто, которое до времени спряталось в ней.

Великий князь при последних словах собеседника невольно вздрогнул. Все эти годы он отгораживался от семьи, от жены, отталкивая милейшую Елену Павловну показной холодностью. Родные, весь близкий круг Михаила Павловича, терялись в догадках – отчего добрый по природе своей, отнюдь не бесчувственный человек, груб и бездушен с собственной супругой. Она же, тщетно пытаясь отыскать в себе хоть бы какую-то вину в происходящем, страдала. Из хорошенькой приятной в общении женщины великая княгиня постепенно превращалась в потерянную тень... Единственной причиной её несчастья был он, скрывающий в себе того, кто поселился в нем однажды и затаился в глубине сознания... Того напуганного загнанного Зверя, обнаружив которого Елена Павловна признала бы супруга сумасшедшим. Тогда его жизнь, без всякого сомнения, была бы окончательно разрушена. Мысли об этом приближали к отчаянию. Но он, сопротивляясь подступавшей временами слабости, продолжал бороться. Иногда это давалось слишком трудно – так, как сегодняшним днём, как сейчас.

Картайкин не заметил в собеседнике волнения и увлеченно продолжал.

– Я намеревался подарить супруге настоящий праздник. Сложившиеся обстоятельства замечательно тому способствовали. На тот момент мне был пожалован следующий чин, а также медаль «За усердие». Я был удостоен чести быть приглашенным на императорский бал. Бал давали в честь тезоименитства императрицы Александры Федоровны. Впервые в жизни я должен был присутствовать при дворе. И этот день перевернул всю нашу жизнь.

– Но в каком же году это было?

Иван Евграфович задумался, поморщил лоб...

– Да уж почти пять лет назад... Значит, в 1831. Да, именно так, в тридцать первом году. А что? Вы там присутствовали?

– Нет, нет, – Михаил Павлович печально покачал головой. – Меня тогда не было... в столице. Только... Тот злополучный год сложился для меня нерадостно. С тех пор в моей жизни происходят перемены. Дурные перемены. Всё это поразительно. Но продолжайте, продолжайте.

– Искренне благодарю вас за терпение... Так вот. Все три недели перед выходом супруга пребывала в необычайном оживлении. Она похорошела, на бледных до того щеках появился румянец. В наши отношения как будто вернулась прежняя теплота. Она захлеб рассказывала мне о своих заботах. А их, – Картайкин улыбнулся, – появилось не мало. Антонина объездила всех дорогих модисток, покуда, после долгого сомнения, не выбрала фасон для платья. Она

пропадала в ювелирных салонах в поисках подходящих украшений. Я же только одобрял все её траты и во всём поддерживал. Впрочем, она ни в чем и не прогадала. Да.

Он мечтательно прикрыл глаза.

– Зеленое шелковое платье чудесного оттенка с венецианским черным кружевом, изумрудное кольцо на белой шее – всё как нельзя лучше подходило к её золотисто-рыжим волосам. Моя жена была очаровательна. Я раздувался от гордости, что эта женщина, со мною под руку, – моя законная жена. Конечно, Антонина не осталась незамеченной. Пройдя со мною в полонезе, весь вечер она уже не сходила с доски. Я утомился отвечать на представления её новых кавалеров. В большинстве это были люди военные. Вы понимаете – усы, мундиры, галантность в обращении. По части дам господа офицеры весьма искушённые люди.

(Великий князь на это только усмехнулся.)

– Антонину закружило так, что перед выходом на ужин, она, чуть было, не забыла про меня и не пошла с партнером по мазурке. Правда, опомнившись, долго смеялась и виноватилась. Мне стало несколько не по себе, хотя обиды я тогда не высказал.

– А это зря, – заметил «отставной полковник». – В подобных случаях необходимо сразу показать характер. Приличия на то и существуют, чтобы держать в узде свои страсти и обуздывать пороки. Забыв приличия, жена компрометирует не только самоё себя, но унижает прилюдно супруга. Тут показывать слабинку непозволительно.

Картайкин застонал и залпом опрокинул рюмку. После горько рассмеялся.

– Непозволительно! Непозволительно! Кто бы тогда мне об этом сказал. Так вот. Весь следующий день в прихожую доставляли букеты с визитками. Потом потянулись и визитеры.

– Вы их с трудом терпели...

– Нет. В часы утренних визитов я, по обыкновению, бывал на службе... Антонина всегда принимала сама и вполне с этим справлялась. Она умела поддержать беседу и неплохо пела. Потом, как замужняя женщина, принялась и выезжать – вполне самостоятельно. Моё участие стало уже необязательным и ей, как оказалось, вовсе не требовалось. Премьеры в опере, концерты, всяческие музыкальные салоны – моей жене постоянно слали приглашения, а она порхала, порхала повсюду как яркая бабочка. Нет, пожалуй, не бабочка, – стрекоза.

– Светская жизнь для неопытных душ – большой соблазн... Люди искушенные относятся к этому ровно, а пресытившись, уже стараются по возможности избегать. Есть более осмысленные и полезные занятия для человека, нежели рауты и журфиксы.

– Какое вы точное слово употребили – пресытившись. Я ведь сначала на то и рассчитывал. Я думал, надо малость потерпеть и надоест ей всё это, наскучит. «Пресытившись»... Поначалу она вела себя будто голодная, но войдя во вкус, уже не могла обуздать этот свой аппетит. И ей хотелось всё большего...

Он обреченно вздохнул.

– Первую измену я сразу распознал. Распознал, правда, после – по признакам раскаяния. Это как если после пьяного угара сошёл с человека весь хмель – и стыдно стало перед близкими, и испугался сам своей пагубной слабости. С ней так и было. Однажды Антонина не вышла к ужину, а зайдя к ней, я застал её в слезах. Взглянула она на меня испуганно... Со следующего дня для всех визитеров Антонина сказала больно и снова превратилась в домоседку, взялась за доченьку. Мне же... Мне принялась угождать всячески. Иногда даже и руки бросалась целовать. Страдала Антонина сильно, не притворно. Я всё понимал, конечно. Я тоже страдал, но вида не показывал. Мне было жаль её. И в то же время я радовался про себя, надеясь, что Тонюшка одумалась и жизнь наша снова станет прежней. А только рано успокоился. Хватило нашего семейного благополучия примерно на полгода.

Руки у Картайкина заметно подрагивали, он сжал их в кулаки и с чувством ударил по столу.

– Потом, как я предполагаю, она кого-то из своих знакомых случайно встретила. И сорвалась. А дальше – омут. Время раскаяния становилось всё короче, слёз проливалось всё меньше. Этот омут затягивал её. На службе, за моей спиной вовсю судачили. Сплетни дошли уже до моих родственников. Я не знал, что делать. Мне было стыдно, больно. Но я действительно не представлял себе, что делать. Стреляться? Но с кем и зачем? И что будет с Оленькой? Говорить с Антониной? Как и о чем, ежели в ответ на мои вопросы она только смеялась. Она смеялась надо мной! И я терпел. Я молчал и терпел несколько лет. До того дня, пока меня не посетил один из давнишних жильцов, снимавший в нашем доме хорошую квартиру. И я узнал, что супруга моя потребовала от него оплатить вперед значительную сумму, что для среднего чиновника с семьёй затруднительно. Я извинился и успокоил его. Утром я вынужден был твердо говорить с супругой. Я потребовал объяснений. Объяснений не получил, но получил хотя бы обещание более не донимать жильцов такими просьбами. А некоторое время спустя мне принесли неоплаченный вексель за подписью Антонины. Супруга промотала свои деньги и наделала долгов.

– Наряды? Драгоценности?

Чиновник тяжело вздохнул.

– К тому же какой-нибудь нищий молодой офицер. Бедный, но страстный любовник.

Он обтёр мокрый лоб салфеткой и приложился к стопочке.

– Тот долг был не слишком большой, и я оплатил его. Но получив следующий вексель, я вынужден был написать Никанору Матвеевичу. Мне было невероятно стыдно. Но у меня не было выбора. Я не располагал такими средствами. Нам было бы не избежать унижительного скандала.

Картайкин заглянул собеседнику в глаза.

– Ведь вы меня понимаете?

Михаил Павлович сочувственно кивнул.

– Я ожидал, что тесть будет всячески укорять меня, я ждал справедливого гнева.

– Так Иратов помог вам?

– Никанор Матвеевич показал себя достойнейшим человеком. Я, правда, в этом и не сомневался. Да. Он сразу рассчитался с кредитором, а после того и сам явился к нам. С опущенной головой я вышел к нему навстречу. Но он... Он молча обнял меня. Тем же вечером состоялся его разговор с Антониной. Я при том не присутствовал, меня пригласили позже. Зайдя в гостиную, я увидел Антонину сильно бледной, с поджатыми губами.

Тесть сразу же обратился ко мне: «Иван Евграфович, – сказал он нарочито спокойно, – я считаю нужным вручить вам некую бумагу, составленную на днях по моей просьбе доктором, который много лет знает нашу семью. Здесь сказано, что дочь моя страдает невротическим расстройством, проявляющимся время от времени замутненностью сознания. Оттого она не может полностью осознавать своих действий и не может отвечать за себя. Содержание этой бумаги, благодаря моим связям, станет мгновенно известно всем ростовщикам, модисткам и ювелирам, которые имеются в столице. После чего никто не захочет иметь с Антониной Никаноровной сколько-нибудь серьезного дела. Я осуществлю это намерение сразу, как только вы сообщите мне хоть о каком-нибудь расходевании ею средств без вашего на то ведома. С этого дня эта особа должна полностью подчиняться вам». На прощание он расцеловал внука Оленьку и крепко, с чувством пожал мне руку.

– И что же, – великий князь усмехнулся с сарказмом, недоверчиво, – подчинилась вам ваша расчудесная жена?

Картайкин рассмеялся горьким полупьяным смехом.

– А как же! Подчинилась! Ха! – успокоившись, он вытер мокрые глаза, икнул. Нехотя подцепил кусок севрюги вилочкой. – Какое-то время она вела себя тихо. Потом же потихоньку стала превращаться в фурию. Гоняла без вины прислугу, кричала, разбила почти всю посуду

в доме как-то... Пару раз. Срывалась и на Оленьке. Позже затихла и как будто успокоилась. Ну а потом...

Он закрыл лицо руками.

– Боже мой, как это стыдно! Ну а потом... Потом мою супругу, дворянку госпожу Картайкину, заметили за завтраком у Рейтера.

Михаил Павлович не нашёлся что сказать, только отвёл глаза. В столице знали, что на завтраки в такие заведения съезжаются женщины полусвета, содержанки, подыскивающие для себя богатого клиента. Кафе Рейтера на Морской обычно посещали деловые люди – промышленники и купцы.

– Её узнал один из старых знакомых Никанора Матвеевича. Почтенный господин сначала глазам своим не поверил. Он бы решил, что обознался, да и успокоился. Только она, увидевши его, тут же сбежала. Вот так. Ждать и надеяться на лучшее в таких обстоятельствах было бессмысленно.

– Но что же вы сделали? – любопытно спросил великий князь осторожно.

– Порядочный муж немедленно убил бы!

– Не буду спорить...

– Я про этот позор узнал со слов тестя. Он сам и принимал решение. Мы отправили Антонину в клинику для душевнобольных. Подальше – в Швейцарию, за границу.

– Что ж, в таких обстоятельствах решение правильное.

– Возможно. Только долго она там не пробыла. Спустя несколько месяцев мы получили письмо от её лечащего доктора. Антонина сбежала вместе с другим пациентом – поэтом, лечившимся от мании самоубийства.

Иван Евграфович пожал плечами.

– Всё что мне оставалось – только искренне сочувствовать несчастному поэту.

Это казалось несколько не деликатным, однако Михаил Павлович после последних слов Картайкина, не удержавшись, засмеялся. Тот же несколько не обиделся и поддержал его. А посмеявшись, оба почувствовали себя чуточку легче.

– Но ведь на этом ваша история ещё не закончилась?

– Увы, это так. С вашего позволения, я продолжу... Я тогда не впал в отчаяние. Я не имел права впасть в отчаяние. Ведь со мной была Оленька. Несчастный ребенок, брошенный матерью. Всё, что оставалось у неё теперь, все, на кого она могла положиться, были её дед и я. Так что я просто смирился с судьбой и старался быть хорошим отцом моей девочке. Никанор Матвеевич навещал нас.

И вот, однажды он завел со мной вот какой разговор.

– Вы знаете, что я вдовец. Но вы никогда не спрашивали меня, что стало с моей женой, матерью Антонины. Мне кажется, вам теперь должно знать про это.

– И что же с ней случилось? – спросил я, предчувствуя нечто плохое. Предчувствие меня не обмануло.

– Она утопилась, – спокойно сообщил Иратов.

– Где утопилась? Как? Почему?

– Где? Да в пруду. Почему? Да видите ли что... Взял-то я её, как полагается – девицей. Жили неплохо, вскоре жена родила мне дочку. Но стоило дочке чуток подрасти, как жёнка моя крепко задуррила. На первый раз застал её с приказчиком – жену побил, паршивца выгнал в шею. Потом увидел на конюшне с конюхом – тут поучил кулаком посильнее. Да всё не впрок. Разбитое личико зажило, и попалась бесовка с сыном управляющего – совсем ещё молоденьким парнишкой. Тогда отправил её от позора подальше в деревню. Там она и понесла. Родивши же, ребенка удавила, а сама утопилась. Там и нашли – рядом с домом в пруду.

Выслушав его, я понял, что пришло самое время для моего вопроса. По-видимому, Никанор Матвеевич уже и сам ждал его.

«— Я не знаю, — сказал мой тесть, — кто был отцом Оленьки. Я не уверен даже, что сама Антонина знает это точно. Это куда более ужасно, нежели удивительно... В самом конце весны устроил я в усадьбе большой праздник. Мы были тогда в хорошем барыше. Ну и гуляли с управляющими моими, конторскими работниками — я, знаете ли, преданных людей ценю. Позвали и цыган. Приехал табор, я разместил их у себя в поместье. Мы крепко выпили и от души веселились. Дочка была с нами. Она самозабвенно плясала и пела с цыганами. А как она цвела, как вся светилась! Нам всем тогда было хорошо. Табор стоял у нас неделю. И как-то ночью Антонины хватилась старая няня. Старушка сразу подняла меня на ноги. Мы нашли её в таборе — девчонка сбегала туда по ночам. Молодые чавелы — парни горячие, да и с лица хороши. Табор тут же поднялся и до рассвета ушёл... Нашу беду первой почувяла та же нянька. Старую женщину не проведёшь. Дочка только твердила, что словно в дурмане была. Я же решил, что мне это проклятие такое, наказание за покойницу жену. За то, что был с нею тогда слишком жестоким. Я думал — с дочкой всё должно быть по-другому. Вот и нашёл я вас. Вы с Тонькой жестокосердным не были, да мало толку. Простите меня, дурака...»

— Я слышал, что некоторые душевные болезни имеют свойство передаваться по наследству, — произнес задумчиво великий князь, — но не уверен, что к нимфомании это относится.

— Это слово я за последние годы, конечно, слышал. Излишне пояснять, что именно от этого недуга мою супругу в Швейцарии и лечили. Лечили, как видите, безуспешно. Что для меня неудивительно. Я ведь теперь только и понял Антонину. Я успел узнать её настолько, чтоб наконец понять — с ней происходит совсем другое.

— С интересом выслушаю ваши предположения...

— Видите ли... Недуг нимфоманок, будь они неладны, несёт в себе чрезмерное влечение к наслаждениям плоти. Нимфоманки ненасытны телом...

Великий князь кивнул.

— Но женщины, подобные моей супруге, а полагаю, что и матери её, отличаются особой страстностью всей натуры. Когда-то именно таких прозвали «роковыми женщинами». Неутоляемая жажда перемен, сильных переживаний, ярких событий сжигает их нутро. Но в нашей обыденной жизни таким натурам негде проявить себя... Размеренное тихое существование их убивает. Так может ли составить счастье этакой женщины суровый купец или скучный и честный чиновник? Вовсе не важно — добр он с нею или зол.

Он помолчал немного и печально сказал:

— Антонина вполне могла бы быть счастлива. С бесстрашным путешественником, следопытом, с каким-нибудь поэтом-бунтарем...

— Или с поэтом-самоубийцей, — вставил великий князь.

Картайкин посмотрел задумчиво.

— Всё может быть...

«Или же с кем-нибудь из аферистов-самозванцев», — подумал про себя Михаил Павлович.

— Осознавши это, я окончательно смирился. Я посвятил себя воспитанию Ольги. Я нанял ей учителей — чтение, танцы, языки... Я так старался сделать жизнь ребёнка интересной и наполненной. Ей же давалось всё легко и с удовольствием. В общем, мы были довольны друг другом. С дочкой я начал постепенно забывать своё несчастье.

Он выдержал паузу. Потом произнес совершенно убито:

— А только на днях рухнуло всё! Всё, что ещё у меня было...

— Но почему же? — спросил Михаил Павлович ошеломлённо.

— Потому что дочь мою похитили. Прямо на улице, на глазах у гувернантки. Незнакомый прохожий подхватил её на руки и швырнул в стоящий рядом экипаж. Коляска тронулась и свернула в переулок... Больше мою девочку никто не видел. В полиции только разводят руками.

– О господи!

– И знаете, что я обо всём этом думаю?

– И что же?

– Ольгу забрали совсем не случайно. Я думаю, что моя Антонина попала в большую беду. И ещё... Что я навсегда потерял двух моих девочек!

Иван Евграфович Картайкин закрыл лицо руками и отчаянно, содрогаясь всем телом, зарыдал.

Великий князь, суровый артиллерийский генерал, почувствовал, как по его щекам медленно стекают слёзы. Он, не таясь, вытер глаза салфеткой и произнёс негромко и отчетливо:

– Я тоже потерял двух своих девочек.

И, судорожно сглотнув, добавил:

– Аннушка умерла четыре года назад. Сашеньки не стало сегодня.

Картайкин вздрогнул, с ужасом взглянул на генерала и сильнее зашёлся в рыданиях.

Примерно с полчаса спустя, когда Иван Евграфович немного успокоился, Михаил Павлович счёл нужным отвести его домой.

– В таком состоянии в столь позднее время отпускать вас одного не следует. Я, пожалуй, сам сопровожу вас.

Он, несмотря на возражения захмелевшего чиновника, расплатился и, подхватив того под локоть, осторожно повёл к выходу.

Трактирщик Давыдов, наблюдая за уходящими со стороны буфетной стойки, размышлял про себя:

«Вот и в моё детище стали захаживать великие князья... Стало быть, дела идут совсем неплохо. Стало быть, можно задуматься о повышении разряда заведения. Этак, глядишь – окажемся и в первостатейных ресторациях. А что? Пора, пора... Того, который с ним, надо запомнить непременно. Кто знает, где может быть польза».

Иван Борисович Давыдов, по роду своего занятия, неплохо разбирался в людях, а высшую аристократию считал необходимым знать в лицо.

Глава 3. Волшебный сад

Новые приятели, не слишком торопясь, дошли до аккуратного трехэтажного особнячка в глубине переулка.

– Вот и моё скромное жилище. Буду рад, ежели как-нибудь навестите меня. Премного, премного буду рад. Только живу я совсем просто, без излишеств.

– Не беспокойтесь, – отвечал с улыбкой великий князь, – я человек простой, военный и в быту неприхотливый.

Он передал Ивана Евграфовича на руки дворнику, бородатому, добродушному детине, который с готовностью подхватил хозяина и бережно поддерживая, повел в дом. Картайкин несколько раз оборачивался и пытался помахать Михаилу Павловичу непослушной рукой.

В Кузнечном переулке было безлюдно. Великий князь воротился к трактиру, чтобы нанять кого-то из стоящих перед заведением извозчиков...

Вскоре экипаж выехал на Невский проспект и свернул к Екатерининскому каналу. Минувя Михайловский дворец с усадьбой, остановился у Фонтанки. Здесь седок спешил и отпустил извозчика. Чуть постоял в одиночестве, свернул и пошёл хорошо знакомой дорогой... Холодный, отстранённый свет луны выхватывал из полумрака его силуэт – фигуру одинокого прохожего.

Время от времени, в периоды особенной душевной смуты, он неизменно приходил к этому месту, к этому странному, притягательному и страшному замку – месту гибели своего отца.

Отца он потерял в трёхлетнем возрасте и помнил его плохо, смутно. Но будучи самым любимым, порфирородным сыном, названным в честь Михаила Архангела, небесного покровителя Павла Петровича, он будто имел с ним сакральную связь.

...Михаил Павлович стоял напротив замка, сцепив за спиною руки. Михайловский замок, отцовское детище. Призванный служить убежищем хозяину, но превращённый в плаху. Ребёнком, он провёл здесь чуть более месяца, но это время оставило в детской памяти особый отпечаток.

Ветренный, холодный вечер марта. Жарко натопленный камин в детской опочивальне. Тёплое дерево стен и два окна за голубыми шторами, тускло мерцающими серебром. Батюшка, довольный, умиротворённый заходит в комнату, чтобы пожелать младшим сыновьям, Николаю и Мишеньке спокойной ночи. Он поднимает Мишу на руки и ласково целует в щёку... И – утренняя суматоха, шум, пугающая суета. Страшные крики матери, и няня, Шарлотта Карловна, не выпускающая мальчиков из детской. Вот торопливые, немногословные сборы. Вот, замок остаётся за спиною – холодный, покинутый, проклятый. Замок российского Гамлета, замок цвета боли, цвета крови. С царевубийства начал царствование Александр. С крови и смуты началось воцарение Николая Павловича.

Кровь метит, кровь пачкает, липнет к Романовым. Не убывает она, эта кровь.

Он вышел из оцепенения и, отворачиваясь от промозглого ветра, вышел на набережную и пошёл направо... Михаил Павлович миновал Верхне-Лебяжий мост и оказался перед воротами Летнего сада. Ветер усиливался, и первыми тяжелыми шлепками – оплеухами дождя на город навалилась непогода. Мгновение – и небо распоясалось, и полило стеною. Ворота сада, несмотря на поздний час, были ещё открыты. В поисках укрытия великий князь скользнул в проём ворот и быстрым шагом поспешил вдоль по аллее, мимо намокших, растрёпанных ветром боскетов. Оказавшись перед входом в один из павильонов, он метнулся внутрь... Промокший, опустился на скамейку у стены, стараясь успокоиться. Капли стекали с мокрых волос

по лицу, попадали за шиворот. По крыше, стенам недолговечного строения хлестало струями, било наотмашь упругими плетьюми дождя. Когда послышались раскаты грома, он понял, что надолго попал в водяную ловушку. Удача, что нашлось, где переждать. Михаил Павлович попытался расслабиться, упёрся головой в стену. Холода он почти не ощущал – сказывалось выпитое. Его мучило, время от времени накатывала дурнота. Веки предательски отяжелели. Он сознавал, что человеку в его состоянии нужно держаться, ни в коем случае не засыпать. Хмельному сон мартовской ночью в холодном павильоне может стоить дорого. Даже слишком дорого. Великий князь сжал кулаки, попытался о чем-нибудь думать... Но рефлексирующая, не поддающаяся управлению рассудком память уводила туда, куда бы не хотелось возвращаться.

...Польская провинция, пять лет назад. Ночь, шум дождя, промозглая сырость и холод – так же, как теперь. Большая, но неудобная, необжитая комната в Бранницком замке. Посреди комнаты просторная кровать. Он пробуждается от беспричинной тоски и непонятного, сравнимого с когда-то пережитыми детскими кошмарами, липкого страха. Михаил Павлович закутывается в грубое шерстяное одеяло и садится на постели.

По комнате струится холодный свет. Но это не сияние луны, окна опочивальни глухо затянуты шторами. Это свечение исходит от фигуры женщины, стоящей перед его постелью. Женщина невероятной, немислимой красоты. Тонкие брови изогнуты домиком, глаза затягивают, словно болотный омут. Черные волосы стекают по плечам, на белую исподнюю рубаху. Больше на женщине нет ничего. Она в простой длинной рубахе, босая, простоволосая. Её рука сжимает крошечную, отороченную мехом детскую шапочку. Другую руку – полупрозрачную, бесплотную – женщина протягивает к нему. И что-то беззвучно шепчет бледными губами, повторяя ещё и ещё... Видение не уходило. С трудом, с усилием, он заставил себя сомкнуть веки. А когда, выждав время, открыл глаза, комната опустела.

Женщину Михаил Павлович узнал. Точнее – понял, догадался, кто она. Давно, ещё в отрочестве, он будто бы видел её – на старинных гравюрах в Москве. Честолюбивая красавица Марина. Болезненное наваждение, бред.

Он слышал, что увиденное в полусне, в полубеспамятстве, будто знакомое, бывает лишь игрой отягощённого виною подсознания. Или большого угнетённого сознания, когда видение – один из признаков заболевания души. Случаются и сны, которые кажутся явью. Бывают и навязчивые сновидения – их называют ночными кошмарами.

Тот страшный сон снова напомнил Михаилу Павловичу о себе – сразу по возвращении домой из польского похода.

Прошло немного времени – и первая смерть посетила покои Михайловского дворца. Старуха выбрала великую княжну Анну Михайловну, его малолетнюю дочь.

Едва успел великий князь оправиться от первого удара, как наваждение вернулось – тем же коротким пробуждением среди тревожной, беспокойной ночи. И снова ощущение тоски, и холод, и протянутая рука.

...Теперь, спустя неделю после ночного кошмара, смерть унесла вторую дочь.

Между этими событиями была безусловная связь.

Была Беда, и корень её заключался в нём самом.

Михаил Павлович вздрогнул, услышав, как за стенами укрытия загрохотало – недобрым, жутковатым хриплым смехом. Великий князь поёжился.

Вспыхнула молния, и сад наполнился холодным голубым свечением. Через мгновение в распахнутом дверном проёме павильона появился силуэт. Это была фигурка маленькой, дрожащей, совсем промокшей девочки.

Михаил Павлович тут же вскочил на ноги, чтобы помочь ребёнку. Девочка доверчиво протянула ему руку... Но тут же, вдруг испугавшись, выскользнула и растворилась в сумраке.

И только между пальцами мужчины осталась вымокшая детская перчатка... Ошеломлённый, он скомкал свой трофей и запихнул за пазуху.

Немного времени спустя продрогшего, промокшего насквозь Михаила Павловича встречал в Михайловском дворце сонный дворецкий. Он передал хозяина двоим лакеям, которые заботливо сопроводили того до опочивальни, помогли переодеться и уложили спать. Утром, к завтраку, великий князь не встал. В полубеспамятстве он метался по постели, путаясь в отяжелевших потных простынях. Временами больной что-то хрипло выкрикивал, иногда бормотал – невнятно, еле слышно...

Мигом прибывший доктор, Иван Францевич, сильно встревожился, опасаясь легочного воспаления и счел уместным до выяснения картины состояния больного остаться при нём.

В пять часов утра, как и положено, старший городской Федулин заступил на пост. Пройдя вдоль пустой сонной набережной, он подошёл к Летнему саду и, вызвав сторожа, принялся привычно инспектировать состояние сада. Делать это следовало регулярно, до прихода садовых рабочих, для выявления возможных безобразий, а таковые случались не редко. Публика, поди, гуляет хоть и чистая, зато веселая. По-всякому чудят. Когда бы мусор, да куст какой по неуклюжести поломан – то не беда. Хуже, когда студенты созоруют. Студентов городской Федулин не уважал. На выдумку они охочи. Садовые фигуры сильно от них страдают. Непотребуется чинять всякое со статуей – то обмотают чёрт знает во что, то нахлобучат гадость. Взглянешь на это, да в сердцах и плюнешь. А в недосмотре, выходит, всегда постовой виноват. Поэтому, вдвоём с садовым сторожем, Федулин неспешно и обстоятельно совершал утренний обход. Сегодня как будто всё было спокойно. Разве что после ночной грозы не обошлось без поломанных веток... Но в целом явных безобразий постовой не обнаружил. Он осмотрел павильоны, обошел оранжереи, голубятню, аптекарский огород и постепенно заканчивая осмотр, вышел к Карпиеву пруду. Городской приблизился к парапету и рассеянным взглядом окинул воду...

Федулин вздрогнул, помотал головой и, придерживая на боку неудобно висящую шашку, нагнулся и с опаской взглянул еще раз. Щуплый сторож за его спиной сдавленно охнул.

Среди пруда, чуть качаясь на ветреной ряби, плыло на спине распластанное детское тело. Нет, то была не кукла, как сперва показалось Федулину. Запрокинув кудрявую голову, раскинувши руки и ноги, на водной глади покачивалась маленькая девочка. Несмотря на мартовский холод, девочка была в нарядном платье, необутая, в одних намокших сморщенных чулках.

Городской повертел головой, озираясь не пойми зачем по сторонам, перекрестился и дунул в свисток что было силы.

Глава 4. Следствие

В течение следующих нескольких часов Летний сад был закрыт и оцеплен вызванными по тревоге городовыми. После приезда квартального надзирателя капитана Семёнова и полицейского доктора Шульца Карла Ивановича, тело вынули из воды и разложили на парапете. Первичный беглый осмотр показал, что причиной смерти девочки был не несчастный случай. На тонкой бледной шейке четко вырисовывались темные следы, явственно говорившие о том, что маленькая жертва, перед тем, как оказаться в воде, была удушена. Капитан Семёнов, человек толковый и серьезный, заключил, что здесь своими силами не обойтись и немедленно вызвал из части пристава следственных дел.

Адмиралтейский участок, где нес службу Семёнов, считался не совсем, чтоб очень тихим... Но и серьёзных злодеяний на памяти квартального здесь будто бы не приключалось. Так, всяческие драчуны, да дуэлянты, да порча казенного имущества. Ну там, мошенники, карманники. Да пусть даже нередко и грабёж. Так что ж? Известно – публика гуляет благородная, богатая, хорошая добыча. В парадной части города всегда пошаливал лихой народец... Но чтоб вот так, детоубийство, да среди Летнего сада – с этим квартальный столкнулся впервые. Семёнов внимательно смотрел на маленькую жертву. По виду, ребенку было чуть более десяти лет. Одета девочка не бедно, да и не по-простому... Нарядное, из тонкой шерсти платьице, с нижней юбкой, отделанной кружевом, шёлковые чулочки. При более тщательном осмотре в тайном кармане нижней юбки обнаружилась деревянная кукла, тонкой работы... Как пить дать – девочка из благородных, а значит, шумихи не избежать. С другой стороны, пропажа ребенка из порядочной семьи обнаружится быстро, а там как-нибудь выяснится, в какой степи искать злодея. Девчущку-то скорее всего похитили. Но зачем удавили, зачем бросили в пруд? Почему утопленница необутая? Почему легко одета, без салопа, пальтишка? Впрочем, это несложный вопрос – значит, пришла не сама, сюда её привезли. Следовательно, должен быть экипаж. Экипаж кто-то мог увидеть...

Семёнов изложил свои предположения прибывшему из части чиновнику, приставу следственных дел, Павлу Петровичу Игнатьеву. Тот в целом с капитаном согласился... Осмотрев место происшествия, Игнатьев приказал прочесать сад. Последнее не дало результатов. После чего вызванные для оцепления городовые были отпущены. Тело неизвестной, сопровождаемое доктором Шульцем, отвезли в прозекторскую. Там Карл Иванович осмотрел его еще раз, и, не найдя ничего существенно нового, составил подробный протокол и отправил тело в ледник...

Не лишне пояснить, что полицейская столица до реформы делилась на 13 частей и 56 кварталов. Ведал каждой частью пристав исполнительных дел. Он в полной мере отвечал за поддержание порядка в части. Каждая часть, в свою очередь, ради удобства управления, делилась на кварталы, каждым из которых ведал квартальный надзиратель с двумя помощниками. Под началом квартального находились будочники и городовые. Они следили за соблюдением наружного порядка на территории квартала. Помимо этого, при каждой части состоял пристав следственных дел, который вел следствие по совершенным преступлениям. При приставе следственных дел имелась собственная канцелярия.

Павлу Петровичу Игнатьеву было чуть больше тридцати. Небольшого роста и вполне обычного телосложения, внешность он имел приятную, но маловыразительную. Люди, подобные Павлу Петровичу обычно не вызывают раздражения к себе – равно, как и особенной приязни.

Игнатьев прибыл в свой рабочий кабинет, располагающийся в съезжем доме полицейского участка III Адмиралтейской части. Первым делом он запросил из канцелярии все донесения о пропаже детей за последний месяц. Просмотрев бумаги, следователь отложил в сторону всё, не соответствующее возрасту, полу и общему описанию сегодняшней жертвы...

В результате на столе перед Игнатьевым осталась одна тонкая синяя папочка. Заявление отца о похищении дочери, показания гувернантки и случайных прохожих, словесное описание наружности похищенной. Павел Петрович горько вздохнул... Исходя из всего этого, получилось, что маленькая жертва в Летнем саду – никто иной, как Ольга Ивановна Картайкина, дворянка, единственная дочь надворного советника Ивана Евграфовича Картайкина. Судя по заявлению отца – похищенная прямо на улице несколько дней назад. Практически не сомневаясь в результате, Игнатьев составил письмо, в котором вызвал Картайкина в участок для опознания тела. Письмо зарегистрировали в канцелярии участка, после чего отправили на дом к Картайкину с посыльным.

Затем Павел Петрович вызвал к себе двух толковых агентов, коим поручил обойти трактиры и чайные, где столовались городские извозчики и, с привлечением имеющих там осведомителей, выяснить, не подвозил ли кто-то подозрительных пассажиров в сторону Летнего сада в ту злополучную ночь...

Посыльный из полиции, отправленный в Кузнечный переулок возвратился быстро. Он сообщил, что надворного советника Картайкина дома застать не удалось, потому что, со слов прислуги, Иван Евграфович ещё этим утром отбыл в усадьбу своего тестя, купца первой гильдии Никанора Иратова. Выяснив местоположение иратовского поместья, полицейскую бумагу перенаправили туда. Более предпринять по этому делу было нечего, и следственный пристав Игнатьев решил дожидаться первых результатов.

Глава 5. Кровь в Варшаве

29 ноября 1830 года. Варшава. Дворец Бельведер, резиденция царского наместника.

Обед в тот день прошел немногословно. Среди присутствующих – членов семьи цесаревича Константина и их близкого круга чувствовалось плохо скрываемое напряжение. Свежих варшавских газет зачитывать не стали, изменив многолетней традиции. Беседа и вовсе не сложилась. После десерта сотрапезники непривычно быстро разошлись... Константин Павлович, как всегда, в одиночестве прошёл в свои покои.

За окнами дул стылый ветер, но звук его был столь привычен в непрочных стенах Бельведерского дворца, что даже успокаивал и убаюкивал. Ничто, казалось, не мешало послеобеденному покою обитателей. Константин Павлович снял мундир и, облачившись в мягкий архалук, устроился было привычно соснуть у себя в кабинете. Последние несколько дней он проводил в большой тревоге... После прошедшей скандальной коронации Николая в Варшаве, напряжение в обществе ежедневно усиливалось, росло. Предпринимаемые меры не приносили пользы, только усугубляли ситуацию, становящуюся взрывоопасной. Донесения с каждым днём приходили всё тревожнее. Поначалу цесаревич только сильнее раздражался. Потом почувствовал определённую растерянность. И, наконец, стало попросту страшно. Страшно, страшно, черт побери.

Никто и никогда не посмел бы назвать Константина Павловича трусом. Можно было его обвинять в чём угодно – в грубости, бесцеремонности, дебоширстве, сумасбродстве, – в том он более, чем кто-либо походил на батюшку, но чтобы в трусости – да никогда.

Продажное гнилое сучье племя! Кого хотите запугать? Того, кто шёл в военные походы за Суворовым – добровольцем, на общих правах! Ел солдатскую кашу, спал на земле в холодной продуваемой палатке. Грел коченеющие руки у костра. Перешёл через Альпы, разбивая вдрызг, в лапшу походные сапоги. Лично водил войска в атаку! В двадцать-то лет!

Зачем и от кого он станет прятаться – теперь, когда ему почти что пятьдесят?

Да только не то это дело – сейчас... Нынче дела обстоят по-другому. Тогда всё просто – впереди чужие, за спиной свои. «Вперёд!» – за Господа, Россию, императора! А теперь разберись – где чужие, где свои, да кто сам за себя – сегодня с теми, завтра с этими. Ясновельможное дворянство, шляхта, ксендзы, распоясавшаяся молодёжь, подстрекаемые «патриотами»... Сучьи дети, мать вашу раз этак!

За императора. Не тот уж нынче император. Ах, Николай, каналья, чтоб тебе пусто было. Неспроста ты это сделал, ох неспроста. Напакостил не из упрямства, и не по глупости, – по умыслу, из тонкой, осознанной мести. Мстил брату за 14 декабря. За то, что не явился лично в Петербург, что не представил манифест об отречении. Простить не можешь. Страха своего тогдашнего не можешь позабыть. Злопамятный и хитрый самозванец. Самозванец как есть. Бастард. Какие тайны.

Александр, пусть подлец, а всё ж таки на батюшку похож. Он, же, Константин – просто вылитый Павел Петрович. Курносый, бровастый, да и натурой весь в отца – взрывной, непредсказуемый... Оттого батюшка его и выделял, любил, прощал неподобающие принцу выходки. Мальтийский крест и титул цесаревича не по закону, незаслуженно пожаловал. А Николая, третьего из сыновей, почти не замечал. Демонстративно игнорировал. О причине того при дворе кто не знал, тот догадывался. Тихонько, шепотком, а только шла молва. Все знали, что за пару лет до появления на свет Николая, между супругами случилась крупная размолвка, из-за якобы имевшего место сговора Марии Федоровны со свекровью... Великая княгиня, будто бы, поддерживала идею отстранения Павла Петровича от престолонаследия в пользу Алек-

сандра. Павлу донесли об этом преданные люди. Тогда же, после безобразных сцен и выяснений отношений, оскорблённый Павел уехал в Гатчину в сопровождении преданной Нелидовой. На долгий срок законная супруга осталась единственной хозяйкой Павловского дворца. Живя соломенной вдовою, от одиночества Мария Федоровна не страдала – что подтвердилось и рождением младенца Николая. Как бы совсем без участия в том императора. «Отец» хотел было отправить дитё в германское герцогство, на воспитание родни его мамы. Однако приближенные уговорили не делать этого, во избежание публичного скандала. Павел поддался, однако же в минуты гнева он обзывал третьего принца не иначе, как «гоф-фурьерским ублюдком» – уж больно походил несчастный Николя на гоф-фурьера Данилу Бабкина, молодого красавца, служившего в покоях Павловского дворца.

Константин Павлович не любил Николая. Впрочем, и брата Александра недолюбливал. Что с того возьмёшь – хлыщ, трус, заговорщик. Не считающий память убиенного отца. Константин предпочитал держаться от него на расстоянии. Да и от Николая тоже. Только судьба всё одно подвела.

А ведь и обошлось бы, утряслось, да потихонечку и рассосалось – как не единожды на его памяти бывало, с тех пор, как Константин Павлович взялся за исполнение обязанностей царского наместника... Продолжилась бы жизнь – налаженная, почти себе спокойная, как раньше... Всего и надо было – чтобы коронация прошла обычным образом, при соблюдении традиций, по старым, столетиями выверенным правилам...

Да, в польском обществе и до того все последние месяцы замечались брожения. Да, мучили народ смутяны из офицерства, кое-кто из обиженных ксендзов – «мучеников за свободу и веру». Но в людях всё ещё преобладало благоразумие. Вся Польша с достоинством готовилась к коронации нового «круля», ожидаемого из Петербурга, столицы империи. Николай Павлович прибывал в Варшаву со всей семьёй, в сопровождении огромной свиты.

Варшава, празднично украшенная флагами, коврами, гирляндами, вензелями царя и царицы, встречала высоких гостей. В торжественно убранном кафедральном костеле святого Яна ожидала государя древняя корона польских королей и с ней священные старинные регалии. Примас готовился возложить корону на голову новому помазаннику.

Однако церемониал оказался слегка изменённым... Император Николай Павлович прибыл в Варшаву с короной Российской империи и во время коронации собственноручно возложил оную себе на голову.

Ропот возмущения, едва уловимый в стенах священного костёла, постепенно распространился по площадям и улицам, по дешевым кабакам и роскошным гостиным. Побрезговал! Не снизошёл до древней короны польских крулей! Природная, национальная болезненная гордость подверглась неслыханному унижению. Казалось, что среди поляков это осознавали и переживали все.

Сам молодой самодержец после коронации не долго погостил в Варшаве, но пробыв несколько дней, необходимые по этикету, благополучно отбыл. Заваренная же его стараниями каша набухла, булькала, и постепенно поднималась, грозила вырваться кипящей массой из котла...

В выражениях лиц, в глазах, в самом варшавском воздухе чувствовалось – вот-вот, ещё немного, и что-то страшное и неизбежное начнётся. И... И что тогда?

Ещё вчера отправлена в Санкт-Петербург срочная депеша для Михаила Павловича. Вот кто родная кровь, вот на кого надежда.

Константин встал с кровати, который раз приблизился к окну. Снова с тревогой посмотрел, прислушался. Темно, да ветер. Не горят факельные огни, не слышно криков. Так ведь это

пока, а к тому же варшавский дворец из рук вон плохо защищён, и захватить его при желании возможно с минимальными усилиями. Надо было перебираться в зимнюю резиденцию, надо было! Да уж больно свыкся он с этим своим скромным Бельведером – так, что из летнего жилища тот превратился в место проживания на круглый год. Простой, удобный для обычной повседневной жизни, летний дворец был не задуман для защиты. Хотя... Хотя и укрепленный замок с рвами и тяжелыми воротами батюшку Павла Петровича от рук мерзавцев и убийц не спас. Как спрячешься, как сбережёшься, когда не ведаешь, кто есть твои враги.

Великий князь Михаил Павлович, любимый младший брат... На кого, кроме только тебя, и надеяться...

Михаил когда-то был рожден на свет, как миротворец, спаситель погибающей семьи – после тяжелого, казавшегося невозможным примирения супругов. Чудо случилось, и появился он – порфирородный сын, как с гордостью называл младшего принца Павел Петрович.

Порфирородный – сын императора, а не цесаревича, не великого князя, в отличие от Александра и Константина. Те и воспитывались на половине бабки, Екатерины, так и не испытавши толком родительской любви. А Мишенька, ангел, стал сразу всеобщим любимцем. Да отчего же было его не любить. За что же было его не любить? Ежели нет на Мишеньке ни одного хоть сколь-нибудь серьёзного греха. Лицом он походил на матушку, Марию Федоровну, принцессу Софию, прямою характера – на Павла Петровича, а благородство и чистоту души, как видно, взял от Бога.

Константин не сомневался, что получив тревожную депешу, брат тут же поведёт войска к Варшаве. А это будут верные войска. Не те, что здесь... Польская армия ненадёжна. Константин Павлович так и не смог расположить к себе большую часть польского офицерства. Он чувствовал это.

Походивши взад и вперед по кабинету, цесаревич подошёл к заветному шкапчику и, распахнувши дверцу, потянулся к фляге с коньячком, да передумал. Поосторожничал. Хмель хоть и успокоит, приглушив тревогу, а лучше всё-таки иметь трезвую голову, дабы не потерять способность принимать решения. Кто теперь знает, что может случиться в следующий момент. Он таки лег опять в постель, попытался расслабиться. Дай то Бог пережить без потерь этот день и эту ночь. Дай-то Бог. В приёмной нёс дежурство преданный генерал Жандр с двумя товарищами из высшего офицерства. Любимая жена Жансю, княгиня Лович, была в своих покоях в удалённом флигеле. Внизу, в вестибюле дворца, находились несколько солдат охраны. Авось обойдётся, авось...

К несчастью, на этот раз не обошлось. Спустя чуть более получаса, толпа заговорщиков из числа военных курсантов, ворвалась в Бельведер. Ошалевшие юнцы закололи штыками всех, кто попался им на дороге. Солдаты-инвалиды из охраны, лакеи, офицеры – невинные люди со стонами падали, заливая кровью лестницу, ведущую в покои дворца. «Смерть узурпатору!», «Смерть сатрапу!», «Смерть тирану!» вопили убийцы, и, перешагивая через мертвых и умирающих, бежали наверх, к апартаментам цесаревича.

...Великий князь Михаил Павлович приближался с войсками к польским границам. Он уже знал о последних трагических событиях в Варшаве. Карательные части двигались почти без остановки, ускоренным маршем. Генерала подгоняла ярость. Давящая виски, мешающая думать, мешающая трезво принимать решения – глухая тяжёлая ярость. И ноющая боль за брата.

Глава 6. Повешенный

Весна 1831 года. Расположение гвардейских частей русской армии под Белостоком

Холодно, почему так холодно? Иней блестит на каменных стенах. Нет сил ни присесть, ни отжиматься. Вообще уже нет никаких сил. Хочется забиться в угол, обнять себя руками и заснуть. Навсегда заснуть. Говорят, что смерть от замерзания приятна. Ты просто наконец совсем слабеешь и засыпаешь.

А там, наверху, над стенами его темницы – месяц май. И солнечный свет заливал аллею Браницкого парка, а ветерок перебирает свежую, уже запахнувшую летом листву деревьев. Там продолжается жизнь... В которой, к сожалению, уже нет места для него.

Браницы. Польское поместье под Белостоком. Нелепое, досадное пленение.

Вацка колотило крупной дрожью, из глаз тонкой полоскою по впалым, рябоватым щекам текли отчаянные слезы. Сидя на корточках, обхватив колени и прижавшись спиной к дубовой двери глубокого подвала, он попытался привести в порядок мысли. Они же рассыпались по разрозненным кусочкам, а то вдруг сжимались с тупой болью в тугой запутанный клубок.

Маленький, щуплый и жалкий. С прилипшими ко лбу редкими волосами. Раздавленный и обречённый.

Страшно. А пожалуй, так уже почти что и не страшно. Уже как будто бы и всё равно. Поскорее бы закончилась такая мука. Что уже и ждать. Хорошего ждать слишком поздно. Там, за спиной, за стенами замка осталось, всё, что было в его нелепом существовании хорошего. А теперь уже и нет ничего, кроме сплошной непреходящей муки ожидания.

А всего-то несколько месяцев назад жизнь Вацка казалась исполненной высочайшего смысла. И виделся он себе одним из героев, о которых слагают легенды, поют песни. За которыми уходят лучшие из девушек, уходят безоглядно, забыв про отчий дом, ведомые токмо восторгом и любовью...

Он, подхорунжий Вацлав Перуцкий, курсант военного училища в Варшаве и заговорщик. Нет, он не просто заговорщик, он – член ударной группы, на которую возложена товарищами священная патриотическая миссия. Захватить дворец и покончить с тираном. Смерть тирану! Свобода государству Польскому! Вперёд.

Кто предложил эту бредовую идею первым? Подхорунжий Звежинский? Высочка и горлопан... Он представлял их тайное сообщество в Революционном комитете. От него узнавали мятежные курсанты новости о подготовке вооруженного переворота. Но нет, не Звежинский. Трембашевский! Конечно, Збышек Трембашевский – самодовольный кривляка. Ему всегда удавалось быть первым. Конечно же, Збышек. На одном из их тайных собраний за казармами, на заднем дворе... Эх, Трембашевский, чего ещё не доставало тебе в жизни? Высок, смазлив, сын состоятельных родителей. Пресыщен обожанием барышень. Оставил бы немного и другим – тем, которым повезло по жизни меньше. Таковую малость – шанс на славу. Так нет. опередили Трембашевский со Звежинским, оттеснили Вацка и здесь. Не суждено было ему стать лидером.

Но, хоть в вожди Вацек не вышел, пути отступать уже не было. Или ты член ударной группы, или трус и предатель. Выбор такой. То есть не было у Вацка никакого выбора...

Жаль только матушку. Что ей останется, скромной вдове, помимо одинокой старости. Бедная старая Ванда Перуцка. Потерявши мужа, она растила чадо на скромную пенсию офицерской вдовы. Вацлав вырос, и не оставалось ему ничего иного, кроме военной карьеры, по отцовским стопам. Да и не так это плохо. Дослужился бы до приличного звания. Получил бы отставку, а прежде б женился на пухленькой Зосе, что навещает матушку и сохнет по нему

чуть ли не с детства. Вот и жили бы – тихо, да скромно, но прилично и не голодно. Как все. Как все посредственности и неудачники!

Да разве ж Вацлав был рождён для этой участи!

Прежде пани Ванда любила рассказывать подраставшему отроку о далёком прошлом некогда славного рода, её семьи. Рассказывала поздними вечерами, как сказку на ночь, что род этот имеет древнюю историю. Что некий предок Ванды был могущественным воеводой, служил при славном короле Сигизмунде и был ему чуть ли не правой рукой. Что предки Вацлава в те времена вершили судьбы Польши. Да и не только. Могущество их простиралось и за пределы королевства. Позже некогда славный род обеднел, захирел... И вот теперь Вацлав Перуцкий – его последний отпрыск, последний свежий стебелёк. Возможно, ему суждено возродить прежнюю славу отцов. Не ему, так кому же? Больше всяко некому...

«Мой Вацек, мой красавчик Вацек, чудесный мальчик», – шептала пани Ванда, целуя маленького сына на ночь. А тот запоминал её слова. И вот он вырос. Чудесный мальчик. Красавчиком, правда, не стал. Хотя и было в тонких чертах его лица нечто, бесспорно, притягательное. Отчего заглядывалась на него с ранних лет малышка Зося. Но росточком не вышел, да и телосложение имел субтильное. Как не крути – не Аполлон. Особо острого ума в юноше тоже будто бы не наблюдалось. Неглуп, способен – да и только. Каких-либо недюжинных талантов к чему-либо не проявлялось. И лидерских бойцовских качеств, как оказалось, тоже не было. Был юноша Вацлав Перуцкий ровно таким, как большинство. Как все. А ко всему в придачу – немислимых размеров честолюбие, неутоленное тщеславие и неосуществимые мечты...

Но, наконец, в первый же день варшавского восстания судьба представила Перуцкому счастливый случай. Счастливый случай? Дудки! Звёздный час!

Нет, не тогда, когда самые отчаянные, группой в 15 человек, собравшись в парке Бельведера, шли ко дворцу. И не тогда, когда его товарищи, расчистив себе путь испачканными в крови приспешников штыками, распахивали дверь в покои цесаревича. Но тогда, когда раздался первый растерянный крик: «Сатрапа нет! Тиран скрылся! Он ушёл!» И возгласы товарищей: «Нас предали! Нас предали!»

Вацлав, бежавший одним из последних, повернул назад. Скотившись по перилам лестницы, он бросился в сторону заднего дворцового выхода. Через секунду Перуцкий бежал по тропинке Бельведерского парка. Он видел, он узнал Его! Теперь не уйдёт! Грузная фигура с мясистым затылком, с широкой спиной в генеральском мундире трусливо улепетывала в сторону зарослей. Ах, ты... Хитрый мерзавец! Задумал спрятаться?

Вацлав настиг цесаревича буквально в несколько прыжков и со всей силы вогнал штык в податливую тушу, под лопатку, до основания... Старик, издав невнятный звук, похожий то ли на всхлип, то ли на конское всхрапывание, тяжело, ничком обрушился наземь, заливая кровью гравий на аккуратной парковой дорожке.

Через секунду юного убийцу затрясло. Нет, то был не страх, не шок от первой пролитой им человеческой крови. То вовсе был не признак слабости, но, охватившее его, невероятное, схожее с любовной эйфорией возбуждение. Это был миг, когда маленький Вацек стал вдруг большим и значимым, вершителем судеб, карателем – безжалостным и справедливым. Не зря пани Ванда так верила в него!

Перуцкий попытался закричать, позвать товарищей. Но голос отказал ему. Голоса не было, порывистый и зябкий ветер парка глушил почти беззвучный тонкий писк, вырвавшийся из гортани. Вацек присел на корточки рядом с безжизненным телом. Он пытался успокоить бьющееся о грудную клетку сердце и хоть немного перевести дух. А сзади слышались голоса. Его увидели. Товарищи, оставив опустевший Бельведер, бежали к Вацеку. А тот, счастливо улыбаясь, махал им рукой.

«Сатрап убит! Тирана нет! Молодец, Перуцкий! Герой! Перуцкий – герой!»

И все пятнадцать человек обнялись и горячо поздравили друга. А там, взбудораженные, воодушевлённые, возбуждённые донельзя, всей толпой поспешили в город, на помощь остальным участникам восстания.

Вот только не хватило духу ни у одного из них перевернуть на спину мертвое тело, так и лежавшее лицом в грязном гравии парковой дорожки. Да и зачем?

А вскоре вся Варшава поднялась, забушевала. За несколько дней столица полностью оказалась во власти повстанцев. А дальше Королевство Польское оставили все русские войска. Победа! Свобода! В столице создано национальное правительство. Великая Польша поднялась во весь рост и сбросила имперское ярмо.

Вслед за недолгой эйфорией надолго и всерьёз пришла беда.

Первой неожиданной и горькой новостью было известие о том, что цесаревич Константин Павлович жив и здоров. С помощью верного слуги он смог покинуть дворец из потайного выхода... Благополучно оставил Варшаву и пребывает в безопасном месте вместе с семьёй.

А там, на тропе Бельведерского парка, осталось тело несчастного генерала Жандра из свиты Константина, пытавшегося обмануть судьбу...

Второй, вполне ожидаемой новостью, было приближение к польским границам карательных войск русской армии. Войско Польское готовилось принять бой. И начавшееся тяжелое противостояние надолго затянулось.

Но поначалу всё опять-таки было неплохо. Вацлав Перуцкий в составе передовых отрядов участвовал в сопротивлении. Польская патриотическая армия не только с достоинством выдерживала натиск, но более того – продвигалась вперед, пьянея предчувствием возможной победы. Товарищи его стремились проявить себя героями. А он, Вацлав Перуцкий, слыл среди них настоящим героем по праву. Все, окружавшие Вацека, знали кто он таков, где был и что намеревался совершить этот отважный юноша в знаменательный день начала варшавского восстания.

...Между тем войска противника затягивали части польской армии всё дальше от Варшавы, вглубь страны. Войско Польское, постепенно распадаясь на разрозненные соединения, теряло силы.

...В плен Вацека захватили вместе с небольшой группой товарищей во время вылазки в расположение гвардейского полка русской армии под Белостоком. Поначалу он ничем не выделялся из массы других пленных поляков и содержался совместно со всеми. Покуда его «героическое прошлое» не сослужило Вацеку дурную, даже роковую службу. Донёс, конечно, кто-то из своих, тот, кто узнал его, а раньше был наслышан о прежних подвигах бывшего подхорунжего. Так, или иначе, но судьба Вацека переменилась, и вскоре, под особым сопровождением, его доставили сюда, к месту временной резиденции командующего, где заключили в одном из глубоких подвалов Бранницкого дворца.

Шли третьи, а может, вторые сутки его заточения... Да – скорее всё-таки вторые, судя по визитам унтер-офицера с миской каши и кружкой кипятка, который уже четырежды заглянул к нему. Четырежды... Утром и вечером, два раза в сутки. Так значит, сейчас вторые? Или всё-таки третьи?... Да и какая разница...

Ключ в дверях повернулся с невыносимым металлическим скрежетом. Вацек вскинул голову. Дверь отворилась, и вошёл уже знакомый ему гвардейский унтер. Он как-то странно крикнул и поставил перед Вацлавом большую жестяную кружку, накрытую краюхой хлеба. Вздыхнул и молча вышел. Вацек приподнял кружку замерзшими руками... Тепло. Резкий, но приятный и знакомый запах ударил в ноздри. Узник осторожно глотнул темноватую жидкость... Потом не спеша допил ароматный коньяк, разбавленный подогретой водой. Потом ел

свежий хлеб, стараясь не терять ни крошки. Вацлав Перуцкий был не глупый, давно уже не наивный юноша. Он сознавал, что происходит, и понял, что за этим последует.

По прошествии не более получаса дверь снова отворилась и, сопровождаемые уже знакомым Вацеку охранником, в помещение вошли трое – невысокий крепыш средних лет в мундире штабс-капитана и двое пожилых солдат. Перуцкому было приказано подняться. Он торопливо встал, но почувствовав внезапный приступ слабости, обмяк и пошатнулся. Стоявший ближе всех солдат поймал его за плечи, придержал и легонько встряхнул. Второй конвоир, взяв из рук офицера наручники, велел арестанту протянуть руки за спину...

Руки Вацека были совсем холодными, а металл наручников – отчего-то теплым, будто бы нагретым солнцем, и соприкосновение с ним было даже приятным. Наручники защелкнулись, и офицер лично проверил надёжность замка, а затем дал знак унтеру. Надзиратель отворил дверь пошире и придерживал ту до тех пор, пока наружу, в длинный узкий коридор, не вышла вся немногочисленная группа – впереди штабс-капитан с нарочито суровым лицом, за ним следовал Вацлав Перуцкий, замыкали шествие солдаты-конвоиры. Коридор был глухим, с низким арочным сводом и кирпичными стенами без окон, на стенах изредка крепились керосиновые фонари. Здесь было чуть теплее, но всё же холодно... В конце коридора находилась ведущая наверх каменная лестница в стене. Поднимались по лестнице долго, и ослабевшему Вацеку подъём давался с ощутимым трудом. Конвоирам несколько раз пришлось поддерживать его, оступившегося, за спину, дабы не упал. За маленькой площадкой наверху располагалась дверь на воздух. Штабс-капитан распахнул её и, выйдя первым, придержал, пропуская арестанта. Перешагнув невысокий порожек, Вацлав вышел наружу...

Солнечный свет ослепил, почти обжёг лицо, и упоительное до сладкой муки, до телесной судороги майское тепло обволокло его. Вацек какое-то время не двигался с места, жмурился и пытался совладать с крупной дрожью. Затем, почувствовав несильный, но требовательный толчок в спину, выпрямился и раскрыл глаза.

Он находился во внутреннем, хозяйственном непарадном дворе Браницкого замка. Двор выглядел пустым, очень чистым, словно нарочно и тщательно убраным. Единственным сооружением в его прямоугольном небольшом пространстве являлась виселица. Виселица была совсем простая, будто бы наспех сделанная – с дощатым помостом, двумя грубыми деревянными столбами с перекладиной, на которой болталась веревка. Рядом с помостом стоял довольно крупного телосложения солдатик.

Напротив виселицы, в противоположной стороне двора вырисовывалась небольшая группа офицеров в темно-зелёных мундирах гвардейской артиллерии. Штабс-капитан, сопровождавший Вацлава, встал впереди него и, развернувшись в сторону гвардейцев, резко вытянулся в струнку.

Перуцкий присмотрелся... Все стоявшие офицеры, пять человек, были в высоких чинах, не ниже ротмистра. Чуть впереди выделялся молодой, довольно высокий и статный мужчина в генеральском мундире. Рядом с ним, отступив на полшага назад, стоял худощавый полковник, остальные четверо, неспешно переговариваясь, находились немного позади. Генерал, повернувшись, что-то сказал полковнику и тот тут же сделал знак рукой. Штабс-капитан кивнул с подобострастием и приказал Перуцкому следовать за ним. Сопровождаемые конвоирами, они пересекли двор и остановились у самого помоста. Вацлава развернули и поставили спиной к виселице, лицом к наблюдающим за действием офицерам.

...Некоторые разглядывали Вацека с холодным отстраненным любопытством, другие с безучастием – постные лица выражали скуку... Все будто исполняли некую малоприятную обязанность. И казалось – во всей этой славной компании только красавец генерал, единственный, действительно участвовал в происходящем. Ему было не всё равно. Тяжелый и холодный взгляд почти бесцветных глаз едва не вдавливал фигурку арестованного в землю.

Господин этот не был одним из генералов гвардейской артиллерии. Отнюдь. Мундир генерала-фельдцейхмейстера во всей империи мог носить лишь один человек. Тот, кому это звание было присвоено с младенчества и на всю жизнь. И бывший курсант военного училища Вацлав Перуцкий сообразил, кто стоит перед ним. И от кого только и зависит вся судьба его, его жизнь.

Знакомо ли вам страстное чувство последней надежды! А если неведомо, то не судите.

Рванувшись вперёд и тем испугав конвоиров, подхорунжий рухнул на колени. Задрал лицо – в страдальческой гримасе, залитое внезапными обильными слезами, Вацек закричал слова мольбы. Ради Христа, во имя милосердия, из жалости к его несчастной матери, во славу государя – всё, что пришло на помутневший ум...

Офицеры, вздрагивая, отводили глаза. Конвоиры, вместе с растерянным штабс-капитаном, не трогали несчастного и не знали, как подобает им себя вести...

Высокородный господин нехотя сделал пару шагов в направлении Вацлава. Несчастный обречённый, стоя на коленях, опустился ниже, и, выгнувшись изо всех сил, едва дотягиваясь подбородком, неловко уткнулся губами и лбом в начищенный генеральский сапог.

Генерал отшатнулся с брезгливою миной... Произнёс: «Поди кинжалом в спину безоружного вы били смелее. Теперь попробуйте хоть умереть не законченным трусом». И такое холодное презрение услышал бывший подхорунжий в сказанном...

Вот тогда он, рванувшись ещё раз, вскочил на ноги. И плюнул. И попал. И тут же конвоиры навалились, схватили, потащили назад, а он плюнул ещё раз! А потом проклинал всех и вся, пока тащили его на помост, рвался из последних сил, пока дюжий солдатик-палач не накинул верёвку ему на шею... Потом послышалась отрывистая команда и последовавший вслед за нею резкий звук...

А после наступила тишина.

«...Мой Вацек, мой красавчик Вацек, чудесный мальчик! Я, глупая, так верила в тебя. А впрочем – не существуй ты более ни для кого на этом свете, я одна буду ждать твоего возвращения. Потому как печальные дни мои только и скрашены тем ожиданием, и нет для меня теперь иной надежды».

Ещё до наступления вечера казнённого похоронили, а виселицу во дворе Бранницкого замка разобрали и вынесли так, что на другое утро не осталось от произошедшего никаких следов.

Той ночью, помнится, сильно похолодало. Камин в дворце не затопили, и в покоях было ощутимо холодно. Для боевого офицера холод – небольшое бедствие. Однако эта ночь в спальне Бранницкого замка великому князю Михаилу Павловичу запомнилась надолго.

Глава 7. Встречи

29 марта 1836 года. Санкт-Петербург

Март в этом году выдался необычайно ласковым и теплым. Минуло меньше двух недель – а вот уже от снега не осталось и воспоминания. Весна напирала – торопливо, жадно узурпируя пространство города, слепящим светом заливая окна, высвечивая каждый уголок тесного питерского двора.

Неуправляемая здравым смыслом мартовская эйфория внушала горожанам легкомыслие, и все – от юного и до вполне себе почтительного возраста, настраивались на безмятежный лад. Еще не пробилось и первых зелёных листочков, а возбуждённая весенним солнцем публика погрузилась в несерьёзную мечтательность. На городских модисток как из рога изобилия посыпались заказы на лёгкие шляпки и ветреные платица, а господа-отцы семейств, сменив надоевшую шубу на продувной французский плащ, начали подумывать о загородных дачах.

Мечтательность внушает неоправданные ожидания. Мартовская эпидемия – что некий вирус, возникнув ниоткуда, токмо из весеннего воздуха, поселяется в головах. От него невозможно мгновенно избавиться – так же, как от назойливого осеннего насморка. Лечить его бессмысленно, ибо со временем то и другое бесследно проходит. Или же не проходит, что реже, приобретая хроническую форму. Такая форма не опасна, поскольку с головой, с лентой, а оттого последствия болезни не фатальны... Самое опасное – первое мартовское обострение. И мартовские встречи – пусть и желанные для ветреного сердца, но нежелательные трезвому рассудку. Да разве рассудок весной для сердца указчик?

Вот молодая белошвейка, подбивая шляпку шёлком, посматривает в окошко на бульвар с тайной печалью – не пройдёт ли мимо бравый подпоручик, что прошлой осенью наобещал всего, да обманул. Ох!

А вот купеческая дочь на выданье – тарашится через окно девичьей спальни из дома, что по Гороховой улице. Высматривает в потайной надежде нагловатого студента, что прошлым летом пожимал ей ручку в тени за боскетами в Летнем саду. Ох!

Так ведь и некая замужня светская дама, совсем уже свыкшаяся было за долгую зиму с невесёлой своею участью, присядет к роялю, споёт романс о муках раненого сердца. Да и зачем-то подойдёт к окошку... Ох!

И сбереги их Господи от собственных желаний.

Опасайтесь, господа хорошие, нечаянных случайных встреч весной, а ежели такие приключились с вами – будьте настороже. Ибо ничего в этом мире не происходит случайно. Ибо у каждого события имеется причина, а за причиной – следствие, а то и последствия, предугадать которые простому человеку невозможно.

Но уж кому-кому, а Шарлеманю Иосифу Ивановичу в то солнечное воскресенье остерегаться было абсолютно нечего. Встреча была ему назначена нынче не токмо приятная, но и уже традиционная. А традицию эту он сам же некогда и заложил.

Надворный советник Иосиф Иванович Шарлемань-Бодэ, архитектор и почётный вольный общник Академии художеств, в то утро встал, против своего обыкновения, не рано и в прекрасном расположении духа. Он, собственно, и подремал бы, да понежился в постели ещё с четверть часа, когда б не назойливое весеннее петербургское солнышко. Самым неделикатным образом проникнув через бязевые занавески окон, оно разбудило и взбудоражило. Иосиф Иванович зевнул, потянулся с хрустом и уселся на постели, растирая сонные глаза... А в следующий миг легко, пружинящим толчком поднялся и, запахнув на себе шёлковый халатец, прошёл

к окну. Он встал напротив отворённой настежь форточки и выровнял дыхание. Затем старательно исполнил гимнастические упражнения по методу филантрописта Гутса-Мутса, вошедшего теперь в Германии в большую моду. Сия гимнастика благоприятствовала омоложению мужского организма и сохранению остроты ума. После чего быстро оделся к завтраку...

Шарлемань нанимал удобную квартиру в доме по Мошкову переулку, где уже несколько лет, после смерти супруги, а потом и отъезда двоих сыновей за границу, проживал без семьи. Надворный советник был человеком скромным, педантичным и в частной жизни не особо прихотливым, так что вся челядь в его доме состояла из кухарки Матильды, кучера Степана, он же и истопник, и верного Петруши – секретаря, ассистента, и, в сущности, друга...

Спешить было некуда, важных дел в тот день не планировалось никаких – кроме званого обеда на двоих на углу Конногвардейского во французском ресторане, по приглашению любимого родного брата. Младшего брата Иосифа Ивановича звали Людвиг. Архитектор Людвиг Иванович Шарлемань.

...Кроме знаменитой ограды Летнего Сада со стороны Невы, каждому питерцу знакома и другая – со стороны Михайловского замка. Та самая, украшенная головами Медузы-Горгоны. Назначая встречи у этой ограды, горожане говорят друг другу: «Встретимся у Шарлеманя». Именно так, ибо её создатель Людвиг Иванович Шарлемань.

Как странно, однако же, складываются пазлы в этой запутанной истории...

Глава 8. Шарлемани

Традиция встреч братьев Шарлеманей по приглашению кого-либо из них на званую трапезу была установлена, как сказано выше, Иосифом Ивановичем – причем ровно пятнадцать лет тому назад.

Тогда Иосиф приступал к работе над своим первым значимым сооружением – зданием Скотопригонного двора. За эту работу он получит следующий чин и свой первый орден. Тогда, после утверждения проекта, Иосиф пригласил брата Людвига на завтрак в ресторацию Дюме, которая открылась на углу Гороховой. А несколькими годами позже, по окончании основных этапов работы, когда над новым сооружением установили кровлю – туда же к Дюме, на обед. Иосиф Иванович в ту пору был человеком довольно скромного достатка, а обеды у Дюме при замечательной кухне стоили сравнительно дёшево... Окончательное завершение строительства не отмечалось никогда, из-за веры в дурные приметы. Дабы окончание большой работы не превратилось в завершение большого пути, то есть карьеры архитектора...

Работа над Скотопригонным двором стала для Шарлеманя-старшего заметной ступенькой в карьере, а встречи с братом превратились в многолетнюю традицию.

Так между ними и повелось с тех пор – завтрак после утверждения серьёзного проекта и обед по завершении основных работ... В зависимости от важности проекта, ну и, конечно, от амбиций приглашавшего, выбирался ресторан. А чувства соперничества и, даже в некоторой мере, бахвальства не избежать и между любящими братьями. Такова природа человеческая.

Итак, сегодня обед для старшего брата заказывал Людвиг Иванович, поскольку кровельные работы в возводимом им детище были практически завершены. А позавтракали братья «по поводу» ещё четыре года назад...

К пяти часам вечера, тщательно, но без излишеств, одетый Иосиф Иванович подъезжал к Конногвардейскому бульвару, где находился модный и довольно дорогой французский ресторан. Свой скромный выезд Шарлемань оставил дома и воспользовался нанятым экипажем. Объяснялось это просто. После удавшейся трапезы братья имели обыкновение прогуляться пешком, за продолжением беседы, и кучеру дожидаться хозяина, как показывала практика, не имело смысла.

Людвиг Иванович встретил брата в обеденном зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.